

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**Никулин А.М., Троцук И.В., Соболев А.В.,
Куракин А.А.**

**Российские сельскохозяйственные кооперативы:
эффективность, особенности внутренней организации,
основные проблемы**

Москва 2016

Никулин А.М., директор научно-исследовательского центра аграрных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Троцук И.В., ведущий научный сотрудник центра аграрных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Соболев А.В., ведущий научный сотрудник центра аграрных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Куракин А.А. старший научный сотрудник центра аграрных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2015 год.

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Краткая история российской сельской кооперации.....	6
Глава 2. Исследования кооперации за рубежом.....	14
2.1. Устойчивость кооперативов.....	18
2.2. Функционирование, экономическая эффективность кооперативов и факторы, влияющие на них.....	19
2.3. Лояльность членов кооператива, доверие и социальный капитал.....	20
2.4. Управление в кооперативе.....	24
2.5. Кооперативные ценности и принципы.....	27
2.6. Социально-экономическая природа кооператива.....	28
2.7. Трансформация кооперативов.....	30
Глава 3. Современное состояние и тенденции развития кооперативной модели в сельской России.....	34
Заключение.....	48

Введение

В настоящее время мы наблюдаем поразительное расхождение с тем местом и той ролью, которую играет сельскохозяйственная кооперация (и кооперация в целом) в России и в мире, в т.ч. в развитых странах (например, в Европе и США). Например, Международный кооперативный альянс (МКА) приводит следующие факты: «Кооперативы насчитывают 1 миллиард пайщиков по всему миру. В Индии потребности 67% сельского населения в товарах обеспечиваются кооперативами. 40% африканских домовладельцев входят в кооперативы. Оборот 300 крупнейших кооперативных организаций в 2010 году составил 2 миллиарда долларов»¹. Если в России сельскохозяйственная кооперация занимает маргинальное место в структуре сельхозпроизводства, то в Европе она является зачастую ключевой формой организации сельхозпроизводителей. В производстве и маркетинге сельскохозяйственной продукции в Европе на долю кооперативов в совокупности приходится более 60% рынка (в США около 28%)². Оборот крупнейших сельскохозяйственных кооперативов составляет более 50 млрд. долл. в год³. В США примерно 4 из 10 граждан пользуются услугами кооперативов (здесь уже речь не только о сельскохозяйственных кооперативах, а о кооперации в целом)⁴. Около 10% населения Европы являются членами кооперативных банков⁵.

Несмотря на то, что Европа выглядит более «кооперативной», нежели США, роль американских кооперативов в своей стране также очень заметна. Так, авторы исследования роли американских кооперативов в хозяйстве страны пишут: «Около 30 000 кооперативов в США работают в 73 000 точках по всей стране. Эти кооперативы владеют активами более чем на 3 трлн. долл., получают более 500 млрд. долл. выручки и выплачивают зарплат более чем на 25 млрд. долл. Если распространить результаты по выборке на генеральную совокупность, то по нашим оценкам, кооперативы получают около 654 млрд. долл. выручки, создают более 2 млн. рабочих мест, выплачивают более 75 млрд. долл. в виде зарплат и других выплат и они создают 133.5 млрд. долл. добавленной стоимости». Что касается непосредственно сельского хозяйства, то здесь

¹ Миллс К., Дэвис У. Проект кооперативного десятилетия. Международный кооперативный альянс, 2013.

² Borzaga, C., Galera, G. Promoting the Understanding of Cooperatives for a Better World. Euricse. University of Trento, 2012.

³ Exploring the Co-operative Economy. Report 2014. World Co-operative Monitor. <http://www.monitor.coop>

⁴ Zeuli K., Cropp R. Cooperatives: Principles and Practices in the 21-st Century. University of Wisconsin-Extension, 2004.

⁵ Borzaga, C., Galera, G. Promoting the Understanding of Cooperatives for a Better World. Euricse. University of Trento, 2012.

авторы также высоко оценивают роль кооперативов: «На кооперативные предприятия приходится существенная доля экономической деятельности на американских сельскохозяйственных и продовольственных рынках, которые являются как поставщиками ключевых ресурсов, так и предоставляют услуги сбыта и переработки для продукции фермеров. Согласно статистики американского департамента сельского хозяйства, на сбытовые и снабженческие кооперативы приходится около трети выручки и покупок сырья среди фермерских хозяйств. кооперативы играют ключевую роль на сельскохозяйственных рынках не только потому, что на них приходится заметная часть экономической деятельности в этом секторе, но и потому, что считается, что они подстегивают конкуренцию на неконкурентных рынках. Кооперативы играют иные социально значимые роли в сельскохозяйственном секторе. Они предоставляют фермерам возможность разделить риск и контролировать принятие решений руководством в своих интересах»⁶.

Что касается России, то на сегодняшний день отсутствуют объективные и достоверные данные о количестве российских кооперативов, о том, чем они занимаются и каковы перспективы их развития. По словам министра сельского хозяйства РФ, «кооперация не выполняет возлагаемых на нее задач... Нет объективных оснований говорить о выстроенной и работающей системе. Кооперативы остаются разрозненными, фрагментарными, развивающимися хаотично и зачастую абсолютно бесконтрольно». Между тем обеспечение продовольственной безопасности страны, особенно актуальное на фоне продовольственного эмбарго, требует комплексного подхода. Несмотря на то, что эта проблема будет решаться, прежде всего, за счет крупных хозяйств, потенциал сельскохозяйственной кооперации в России недооценен и используется явно недостаточно. Кроме того, кооперация, вовлекая в себя множество сельских домохозяйств, способна помочь преодолеть традиционные «болезни» российского села: бедность, безработицу, апатию, обезлюдение.

⁶ Deller S., Hoyt A., Hueth B., Sundaram-Stukel R. Research on the Economic Impact of Cooperatives. University of Wisconsin Center for Cooperatives, 2009, С.16.

Глава 1. Краткая история российской сельской кооперации

Кооперация в России прошла свой особый путь развития, существенно отличающейся от истории кооперативного движения в условиях рыночной экономики. Для страны, где сотню лет назад 9/10 населения составляли крестьяне, было совершенно естественно, что все кооперативные объединения, за исключением потребительских и кредитных организаций в городах, были тесно связаны с сельским хозяйством. Первые кооперативы (с 1865) появляются в условиях, когда деревня только вступила в новый период экономического развития, связанный с освобождением крестьян (1861), введением земства (1864) и другими реформами, меняющими традиционные патриархальные отношения.

Сельскохозяйственные кооперативные объединения в России зародились и развивались в двух видах: сельскохозяйственные общества, и паевые сельскохозяйственные товарищества. Сельскохозяйственные общества являлись организациями, прежде всего, просветительского и культурного характера и значения. Они обладали малой кредитоспособностью, не имели паевого капитала и материальной ответственности членов по обязательствам организации. Не будучи строго кооперативными, сельскохозяйственные общества в кооперативном движении сыграли, тем не менее, важную роль, которую можно сравнить с французскими аналогами или кружками немецких крестьян в рейнских областях. Они появлялись на селе в качестве авангарда и провозвестника кооперативного дела. Обыкновенно за сельскохозяйственным обществом следовали кредитное товарищество и потребительское общество, создававшиеся силами местного населения. Другой вид сельскохозяйственных кооперативов, известный как сельскохозяйственные товарищества, объединял мелких сельских хозяев с вполне определенными хозяйственными целями. Почти все из них находились в Европейской части России, а больше половины товариществ располагалось на территориях, позже отделившихся от России (Польша и прибалтийские земли).

Сельскохозяйственные товарищества в России являлись паевыми организациями, располагающими определенными оборотными средствами. Поэтому они, в отличие от сельскохозяйственных обществ, были кредитоспособны. Существенной организационной чертой этих товариществ, придающей им крепость и устойчивость, выступала материальная ответственность по делам товарищества со стороны его членов. Взимались паевые взносы в небольших размерах, чтобы не закрывать доступа в товарищество

широкому кругу сельских хозяйств. Но значение в кооперативных товариществах имели не столько паевые капиталы участников, как их хозяйственные занятия.

Сельскохозяйственные товарищества обладали характерными чертами кооперативов [4; 54]. В частности, прибыль шла на вознаграждение не капитала, а труда участников товарищества. Например, в закупочных товариществах прибыль в большем размере получал тот, кто больше товаров приобрел через свою организацию. По природе своей такая выдача денег означала собственно не прибыль, а экономию на покупаемых товарах. Другой пример – молочное товарищество, в котором больше из прибылей получал тот, кто больше поставил в артель молока, – тоже показывал не прибыль, а лучшую оплату сдаваемого продукта. Точно также излишек между доходами и расходами в товариществах по сбыту распределялся по количеству проданных через эту организацию продуктов, т.е. все дело снова сводилось к оплате продукта. Уставом товарищества или постановлением его общего собрания оговаривались проценты на пайевой капитал, как это делалось и в акционерном обществе. Но проценты в кооперативе начислялись небольшие (5%-7%).

Сельскохозяйственным товариществам удалось объединить на кооперативных началах лишь вспомогательные отрасли и вспомогательные стороны сельского хозяйства. Само же земледелие и животноводство, так же как огородничество, птицеводство и пчеловодство оставалось индивидуальным. Ничего похожего на колхозы свободная кооперация не создавала, несмотря даже на социалистические настроения многих русских кооператоров. Сельскохозяйственные товарищества имели, несомненно, подлинную кооперативную форму, и при более благоприятных обстоятельствах могли бы развиваться в экономические ассоциации большей важности. Но недостаток средств у сельскохозяйственных товариществ и обществ, стал тем препятствием, которое, в конце концов, привело к тому, что кооперативный сбыт и снабжение втянулись в сферу кредитной кооперации.

Кооперативный кредит выступил основой и «кровеносной системой» сельскохозяйственной кооперации. В сельских районах, благодаря разветвленной сети кредитных кооперативов, наиболее хищные формы ростовщичества прекратили существование. Потребность в кредите понималась большей частью сельского населения и каждого трудового семейства. Кооперативный кредит постепенно стал постоянным и необходимым элементом сельского крестьянского хозяйства, реальной основой экономической структуры России. Прогресс сельского хозяйства, столь характерный для России в начале двадцатого столетия, несомненно, тесно связан с развитием кооперативного кредита и всех видов сельскохозяйственной кооперации.

Кооперативное движение в России за первые полвека своего существования добилося больших результатов, привлекая сельское население тем, что давало возможность довольно быстро и реально улучшить материальные условия жизни. Кооперативы оказались единственным организованным массовым движением, способным объединять все сословия на добровольных началах. По отдельным подсчетам, свыше 50 тысяч разного рода кооперативов охватывали от 10 до 20 миллионов членов. Наряду с такими мощными образованиями, как созданное А.В. Чаяновым, С.Л. Масловым Центральное товарищество льноводов, в России сложилась многовидовая структура движения: 35 тыс. потребительских кооперативов; 16,3 тыс. кредитных; 11 тыс. сельскохозяйственных и 1200 промысловых и производственных. Многие из них являлись клиентами Московского народного банка (центрального кооперативного банка). В 1915 году был создан Всероссийский центр кооперативных комитетов, который затем оформился во Всероссийский совет кооперативных съездов, формально возглавлявший кооперативное движение в стране. России принадлежало мировое первенство по числу кооперативных организаций, а по оборотам и числу участников она находилась в лидирующей тройке стран. Перспектива для длительного развития и усовершенствования кооперации, во всех его формах, была в действительности очень многообещающей [2; 4].

Перед октябрем 1917 года кооперация достигла крупномасштабных успехов, особенно на селе, где она объединяла больше населения, чем любые иные институты. Было положено основание эволюционному подъему хозяйственного и культурного уровня русской деревни, где кооперация охватила более 40% крестьянских хозяйств. Крестьянство само начинало свободно участвовать в этом процессе, и проникновение этой самостоятельности в деревенскую среду стало подлинным освобождением крестьянства от вековой его угнетенности и подопечности, проявлением им плодотворного хозяйственного и культурного творчества. Даже в годы гражданской войны (1918-1920) на кооперативном движении во многом держалась экономика Дона, Сибири, Северной России.

Русскую кооперацию загубила революция и политика большевиков [2]. Уже в 1918-1920 гг. произошел слом и деформация кооперации, которая перестала быть самоуправляемой и самодостаточной хозяйственной организацией. Кооперацию стали использовать в качестве распределительного аппарата, что противоречило сути кооперативных основ.

В период «новой экономической политики» (1920-е годы) кооперация формально оживает. По инерции продолжала действовать кредитная кооперация, которая была лишена кооперативной сущности и структуры, и превратилась в казенные раздаточные

конторы. Наступившая затем коллективизация сельского хозяйства и истребление «кулаков», сделали работу кооперативного кредита невозможной и ненужной.

Потребительские общества продолжали считаться десятками тысяч. Но потребительское кооперативное движение прекратило свое существование. Потребительские общества утратили всякую самостоятельность и были превращены в казенные распределительные пункты; а затем простым росчерком пера в 1935 году все городские организации были вообще упразднены. В селах остался только «Центросоюз» – вполне утративший свою кооперативную структуру уже к этому времени.

На сельскохозяйственной кооперации надолго оставил свой след ущерб, нанесенный принудительной коллективизацией. Лишь после того, как колхозы приобрели статус основных организаций на селе, они упорядочились, прекратился жестокий массовый террор. Но даже после этого продолжалась национализация, как это случилось с промысловой кооперацией, волонтаристски упраздненной властями в конце 1950-х годов.

Советская кооперация превратилась в крупную систему, имевшую десятки тысяч низовых организаций с десятками миллионов членов, но обрастала чрезмерной бюрократией, а вся ее деятельность до последних мелочей и деталей нормировалась и регламентировалась часто совершенно нелепыми планами и предписаниями властей. Эта громоздкая система не могла служить полному удовлетворению нужд миллионов своих членов и их семейств, но должна была «по призванию» работать на советское государство. Она не могла свободно выбирать своих руководителей, которые назначались и смещались против ее воли, и не по признакам хозяйственной пригодности, а по чуждым ей партийным признакам и оценкам. Ни судьба, ни личные и имущественные права ее членов и служащих, ни ее собственные имущественные права были ничем не обеспечены, а могли грубейшим образом нарушаться по неограниченному произволу властей. Будучи деформированными и вынужденными игнорировать важнейшие кооперативные принципы, советские кооперативы представляли, по сути, разновидность государственных предприятий [2].

Народная кооперация за годы советской власти превратилась в пародию подлинной кооперации. Поэтому и неудивительно, что эта принудительная кооперация не могла работать нормально, а колхозы, формально будучи кооперативными организациями даже не учитывались статистикой МКА.

В октябре 1915 года российское кооперативное движение торжественно отметило свой 50-летний юбилей: Россия обрела мировое первенство как по количеству лиц, участвующих в движении, так и по числу действующих организаций, среди которых

выделялись кредитные и потребительские кооперативы. Это была хорошая основа для развития кооперативной мысли, которая проявлялась в следующих течениях.

1. Это представления исследователей, которые рассматривали кооперацию как частичное решение экономических и социальных проблем. Они видели в кооперативах фактически иной тип предприятия. К сторонникам этого направления относятся Г. Шульце-Делич и Ф. Райффайзен, высказывавшие не только оригинальные идеи, но и воплощавшие их на практике (особое распространение в разных странах, в частности России, получили кооперативы Райффайзена). Было немало русских приверженцев этого направления, многие из которых развивали идеи, вдохновляясь христианством. Например, А.Н. Анцыферов, выясняя организационные принципы кооперативов, делал акцент на этические и нравственные стороны кооперации.

2. Особенностью русской мысли было то, что кооперация воспринималась и интерпретировалась русской общественностью и учеными кругами далеко не однозначно. Своеобразие взглядов на кооперацию состояло в том, что, с одной стороны, ее «открывали» как бытовое явление в форме русской артели и даже общины, с другой стороны, кооперативы стремились насаждать по европейским образцам. При таком восприятии утверждалось двойные истоки кооперации – бытовые и идеологические. В результате, кооперация по своей сути являла собой компромисс двух национальных течений – славянофилов и западников.

3. Важнейшая особенность русской мысли состояла также в том, что кооперативные идеи притекали в Россию с Запада в русле социалистических идей, поначалу едва просачиваясь, а с конца XIX столетия широко и открыто. Кооперация для одних совпадала с социализмом или рассматривалась как его проводник. Другие, напротив, отождествляли кооперацию с существующим экономическим строем. Иные исследователи усматривали в кооперации особый экономический строй, отличный и от социализма, и от капитализма.

4. Другим характерным признаком мысли стала идея многообразия кооперативов и способов организации их хозяйственной деятельности. Исследователи отмечали внутреннюю несхожесть широкого круга кооперативов, и это применялось не только к экономикам разных государств в целом, но и относилось даже к отдельным районам одной национальной экономики. Наряду с релятивизмом, который убедительно демонстрировала русская кооперативная мысль, ее важной онтологической чертой стал приоритет хозяйственного целого над частью, что свидетельствовало об ее органичности.

5. Существует еще один важный аспект досоветской литературы о кооперации. Никто не спорил с тем, что кооперативное движение способствует возникновению динамичного государства, но природа и характер этого государства вызывали бесконечные дискуссии. Вопрос о том, кто и на каком законном основании будет осуществлять в нем властные полномочия, привел к еще более существенной конфронтации вокруг природы режима. Все хотели видеть Россию сильной и единой, но на вопрос о том, чем же быть России, точнее, должна ли она стать нацией сограждан, а не империей верноподданных, не находилось легкого ответа, и кооперативное движение скорее лишь отражало, нежели разрешало данную проблему [23].

6. Были взгляды авторов, рассматривающих кооперацию как фактор специфической социалистической системы, основанной на превосходстве потребителя. Это социальная философия «превосходства потребителя», излагаемая немецким языком, но имеющая британское происхождение (Джон Митчелл и Беатрис Поттер-Вебб). Однако во Франции Шарль Жид и его последователи выразили это с наибольшей ясностью и блеском. Нимская школа во Франции, Гамбургская школа в Германии предложили систему кооперативизма, которую можно найти у многих авторов, в том числе у русских исследователей кооперации. Ярким представителем этого направления был В.Ф. Тотомианц.

7. Появились учения, воспринимающие кооперацию как важный фактор в рамках других социалистических систем. Сторонники социалистической мысли, не всегда проявлявшие единогласие в интерпретации кооперативных идей, тем не менее, давали им высокую оценку. К. Маркс и Ф. Энгельс придавали особое значение производственным кооперативам, возлагая перспективные надежды на этот вид кооперации. Позже социалисты вынуждены были признать ценность потребительской кооперации и независимость кооперативного движения (с 1910 г.).

У российской кооперативной мысли есть замечательное научное наследие, которым можно гордиться (правда, ввиду особой судьбы России и исследователей кооперации далеко не все знают о выдающихся представителях русского зарубежья, например, И.В. Емельянове и А.Н. Анцыферове, В.Ф. Тотомианце и А.Д. Билимовиче). Наряду с А.В. Чаяновым, М.И. Туган-Барановским и некоторыми близкими к ним по научному уровню учеными, представляется возможным рекомендовать включить их труды в создаваемый МКА Список мирового кооперативного наследия. Творческий вклад этих ученых трудно переоценить и невозможно проигнорировать. Поэтому, если объективно оценивать уровень научного наследия российских мыслителей на фоне

мировых достижений, то, судя по вкладу в теорию кооперации, полдюжины выдающихся отечественных исследователей представляются в следующей последовательности.

1. Емельянов Иван Васильевич (1880, село Заводоуспенское Тобольской губернии – 1945, Вашингтон) – основоположник экономической теории кооперации [6; 28; 29. С. 9-12; 30; 31; 32; 33; 34].

2. Анцыферов Алексей Николаевич (1867, Воронеж – 1943, Париж) – аналитик кооперативного компаративизма и сторонник концепции нравственной природы кооперации [35; 36; 37; 38].

3. Чаянов Александр Васильевич (1888, Москва – 1937,) – разработчик модели сельскохозяйственного кооператива как формы вертикальной интеграции [39; 40].

4. Билимович Александр Дмитриевич (1876, Житомир – 1963, Монтерей) – исследователь экономической истории российской кооперации [2; 13].

5. Туган-Барановский Михаил Иванович (1865, Харьковская губерния – 1919, Одесса) – экономический социолог кооперации [41].

6. Тотомианц Ваган Фомич (1875, Астрахань – 1964, Кормей-ан-Паризис) – исследователь истории кооперативного движения, член МКА, «русский Оуэн» – подвижник кооперации, ярчайший и неутомимый ее пропагандист [5; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48].

Мало кому известно, что кооперативная мысль русского зарубежья в 1920-е годы оформлялась как научно-образовательная школа. В эти годы действовал Русский институт сельскохозяйственной кооперации в Праге. Этот подлинный центр высшего кооперативного образования в Европе притягивал к себе не только русских учащихся, но и восточнославянских студентов. Здесь сложилась единственная в анналах кооперативной науки практика устного воздействия на умы. Но и после того, как этот пражский центр науки о кооперации перестал существовать, основные представители русской кооперативной мысли, рассредоточенные по разным странам, продолжали до конца жизни вести активный поиск путей развития России и связывали его с развитием кооперации. Нам удалось найти на русском и восточноевропейских языках архивные документы и публикации, которые убедительно доказывают следующее положение. Лучшие представители русской научно-образовательной школы кооперации (А.Н. Анцыферов, И.В. Емельянов и В.Ф. Тотомианц) в межвоенный период оказали большое влияние (через публикации, учеников и лично) на уровень развития науки о кооперации в Чехии, Словакии, Болгарии и др. [49].

Эти исследователи определенно влияли на западную мысль: мало кто из российских или советских ученых оказал столь же весомое воздействие на образ

кооперативного мышления. Интегрируя российский и западный опыт кооперативного развития, они смогли не только повлиять на мировую кооперативную мысль, но и раскрыть существо процессов, происходивших с кооперативными организациями в России. Ряд разработанных ими идей интегрировался и отложился в копилке европейской и мировой кооперативной мысли.

Заслугой исследователей кооперации русского зарубежья является также то, что они прогнозировали возможную трансформацию кооперации в будущем при изменении общественных условий в стране, которое ими предвиделось и предсказывалось. Причем, давая прогнозные оценки развития России и кооперации в ней, они учитывали традиции и специфику, верили в то, что их анализ будет понят и востребован потомками. Это является сегодня важным, так как требуется обращение не только к идеям иностранных школ, но и к наследию ученых русской эмиграции, внимательно осмысливавших социально-экономическую жизнь России и всесторонне ее рассматривавших [50].

Глава 2. Исследования кооперации за рубежом

Лучше всего тематику академических исследований в любой сфере отражают конференции. 27-30 мая 2015 г. в Париже прошла конференция под названием Future of the Cooperative Model: Creativity, Innovation, and Research (Будущее кооперативной модели: креативность, инновации и исследования), организованная исследовательским комитетом Международного кооперативного альянса (МКА). В конференции приняли участие около 150 исследователей и практиков кооперации из 37 стран, причем Францию представляли лишь 24 участника. География была действительно всемирной: были представлены все континенты. Всего на конференции выступили 90 человек. Парижская конференция продолжала конференции 2013г. в Никосии (Кипр) и 2014г. в Пуле (Хорватия) и являлась своего рода прелюдией к совместной конференции МКА и МОТ (Международная организация труда), которая пройдет 8-10 ноября 2015г. в Анталье (Турция).

Сначала остановимся на пленарном заседании, точнее на одном докладе, который представил Майкл Кук (Michael Cook, университет Миссури, США). Этот доклад интересен тем, что автор, будучи признанным ученым в среде исследователей кооперации (это было четко видно по уважительному отношению к нему всех прочих участников), выстроил свою речь вокруг вопросов, которые стоят на повестке дня перед учеными, но пока еще не решены (или никто еще даже толком не приступал к их решению). Первый вопрос разворачивает традиционный дискурс в отношении кооперативов. Обычно исследователи задаются вопросом, почему тот или иной кооператив (или кооперативное движение в целом) терпит неудачу. Кук же, напротив, задается вопросом, почему американские сельскохозяйственные кооперативы существуют так долго. Действительно, средних возраст сельскохозяйственных кооперативов в Америке – 80 лет, тогда как некооперативных сельскохозяйственных предприятий – менее 20 лет. Второй вопрос, на который обращает внимание Кук, это странная тенденция критиковать успешные кооперативы. Не знаю, так или это на самом деле на Западе, но в России также невольно начинаешь подозревать что-то неладное, когда видишь успешный пример (в т.ч. кооператива). Третий вопрос касается начальной стадии в истории кооператива, его зарождения и, возможно, даже предыстории. Насколько важна изначальная цель, с которой создавался кооператив? Именно цель, а не миссия или ценности. Эта цель может со временем меняться, или, напротив, быть очень устойчивой. Следующий вопрос – какая среда ведет (благоприятна) для создания кооператива? Кук подчеркивает важность

рассмотрения доформальной стадии кооператива, т.е. той стадии, когда будущие члены кооператива решали его создать, но еще не оформили как формальную организацию. Далее, как сохранить энтузиазм членов кооператива? Оказывается, проблема апатии также актуальна и для стран с развитой кооперацией. Наконец, Кук ставит проблему нестабильности в управлении, частую смену в управленческом составе кооперативов. В этом плане кооперативы противоположны, например, акционерным обществам, где исполнительный директор, если он хорош, будет сидеть до самой смерти.

Доклад Мюррея Фултона (Murray Fulton, университет Саскатчеван, Канада) был посвящен управлению в т.н. федерациях кооперативов (cooperative federations), т.е. объединениях первичных кооперативов, имеющих свои структуры управления⁷. Иными словами, это второй, третий и т.д. уровни управления над управленческими структурами первичных кооперативов. Различные организационные теории, начиная с 1970-х гг., ставят под сомнение эффективность таких сложных организаций как федерации кооперативов, т.к. они порождают многочисленные проблемы в отношениях принципалов и агентов и увеличивают транзакционные издержки. Тем не менее, федерации кооперативов продолжают существовать и порой довольно успешно работать. Фултон предлагает три варианта объяснения их успешности, опираясь на концепцию организационного познания (organizational cognition). Во-первых, федеративное управление создает особую интерпретативную систему, которая позволяет организации обладать набором локальных знаний, недоступных централизованной организации. Во-вторых, благодаря распределенной власти и влиянию, федеративная организация может получить доступ к ресурсам (в т.ч. доверию), недоступным иным организациям. В-третьих, федеративная организация, благодаря нормам автономии и взаимозависимости, может усиливать склонность к компромиссу и коллективному действию по достижению общих (или даже общественных) интересов.

Вопросу о том, как глобальная конкуренция меняет отношения кооператива со своими членами, был посвящен доклад Йоса Биймана (Jos Bijman, университет Вагенинген, Нидерланды). Он отмечает, что конкуренция между кооперативами и некооперативными организациями на мировых рынках продовольствия усиливается. Концентрация розничной торговли, строгий контроль качества продукции и глобализация приводят к изменению отношений кооперативов со своими членами. Автор рассматривает влияние четырех управленческих механизмов (рынка, иерархии, сообщества и

⁷ Мы указываем только докладчика или первого в списке авторов, несмотря на то, что, как правило, у докладов было несколько авторов.

демократии) на кооперацию (в широком смысле слова) и координацию внутри сельскохозяйственных кооперативов. Бийман высказывает предположение, что координация становится более важной составляющей успеха, нежели кооперация. Новые перспективы изучения кооперативных организаций в рамках институционализма предложил Карло Борцага (Carlo Borzaga, университет Тренто, Италия). Внутриорганизационные механизмы и управление, специфические для кооперативов, способны сделать эту организационную форму более эффективной, нежели классические предпринимательские организации (entrepreneurial organizations). Кооперативы в большей степени полагаются на доверие, реципрокные отношения и социальный капитал. Борцага выделяет добровольную спонтанную кооперацию в качестве механизма координации, наряду с традиционными механизмами рынка и иерархии. Доминирование в кооперативах подобного рода координации может обеспечить им конкурентное преимущество перед альтернативными формами организации экономической деятельности.

Также интерес представляет тема лояльности (приверженности) членов кооператива своей организации. Проблема измерения вовлеченности членов кооператива во внутриорганизационную жизнь представлена в докладе Ричарда Симмонса (Richard Simmons, университет Стерлинга, Шотландия). Он предлагает подход, разработанный за пределами исследований кооперации, и носящий довольно броское название «Outcomes Star». Этот подход измеряет такие ключевые для кооператива параметры как демократичность, участие, лояльность, приверженность и идентичность. Ключевыми для работы кооператива являются: 1) представленность интересов и идентичностей членов, 2) возможность для членов повлиять на решения, 3) способность создать чувство приверженности и лояльности. Фабрис Кассу (Fabrice Cassou, университет Ренн-1, Франция) представил доклад о положительном влиянии солидарности на результаты работы кооперативов Франции в сегменте розничной торговли. Он аналитически разделил солидарность на шесть компонент: экономическую, техническую, управленческую, финансовую, правовую и политическую. Традиция устной передачи кооперативных ценностей, норм и знаний предполагает активную вовлеченность членов в жизнь кооператива. Несколько выбивающийся из общего контекста доклад представил Луиджино Бруни (Luigino Bruni, университет LUMSA, Италия). В докладе на основе межстранового сравнения рассматривается вопрос, влияет ли кооперативность на счастье. Статистика показывает, что даже в одинаково развитых экономически странах уровень счастья (по самооценке респондентов, естественно) может сильно колебаться. Подобная неоднозначная связь экономического благосостояния и счастья известна как парадокс Истерлина (Easterlin paradox). На основе своей математической модели авторы делают

вывод, что влияние кооперативности на счастье есть. Как они полагают, это влияние идет через т.н. отношенческие блага (relational goods), т.е. те блага, наслаждаться которыми невозможно в одиночку (например, в командных видах спорта, хоровом пении или карточных играх).

Отдельная рабочая панель была посвящена теме жизненного цикла в сельскохозяйственных кооперативах. Константин Илиопулос (Constantine Iliopoulos, сельскохозяйственный университет Афин, Греция) рассмотрел проблему управления издержками собственников в течение жизненного цикла сельскохозяйственного кооператива. Собственники сталкиваются с двумя видами издержек: контрактными и издержками собственности. На первых этапах жизненного цикла первостепенное значение имеет минимизация контрактных издержек, тогда как потом на первый план выступают издержки собственности. Этим сдвигом автор объясняет организационные преобразования, которые нередко происходят в кооперативах на более поздних стадиях их жизненного цикла. Фабио Чаддад (Fabio Chaddad, университет Миссури, США) представил доклад о новом поколении сельскохозяйственных кооперативов в Бразилии, где он постарался объяснить, как этим фермерским кооперативам удалось преодолеть проблемы коллективного действия и проблемы начального этапа их существования. Попытку объяснить проблемы сельских кооперативов Африки с помощью теории жизненного цикла предпринял в своем докладе Майкл Кук.

Тематика кооперативных исследований крайне разнообразна, и здесь можно использовать любую исследовательскую оптику: можно изучать кооперативы с точки зрения экономики или социологии организаций (имея в виду весь широкий набор подходов в рамках этих дисциплин). Можно продолжать традицию собственно кооперативного теоретизирования. Можно изучать взаимоотношения кооперативов со своей окружающей средой, в т.ч. государством. Предоставляется широкий простор как для мягких, так и для жестких методик (обе вполне легитимны и хорошо принимаются). Наконец, можно сфокусироваться на кооперативных ценностях и идеологии.

Тем не менее, изучение кооперативов не является особенно модным в современных социальных науках на Западе и в мире. Скорее, наоборот, кооперативная тематика находится на задворках мировой науки. Тем не менее, как мы показали выше, существуют специализированные журналы, учебные программы. Ниже мы рассмотрим основные темы кооперативных исследований.

2.1. Устойчивость кооперативов

Устойчивость кооперативов является одной из достаточно распространенных тем в зарубежных публикациях. Для России это особенно актуально, т.к. в нашей стране кооперативы поставлены на грань выживания и речь идет не столько об их экономическом процветании (эффективности), сколько просто о том, чтобы они продолжали функционировать, оставляя надежду на возможное возрождение кооперативного сельского хозяйства. В нашем случае опыт развивающихся стран является актуальным. Например, в статье, посвященной сберегательным и кредитным кооперативным союзам Танзании, утверждается, что они являются наиболее популярными источниками заемных средств⁸. По мнению авторов, в развивающихся экономиках наблюдается усиливающийся тренд переплетения формальных и, по терминологии авторов, менее формальных (less formal) финансовых институтов (каковыми являются эти союзы). Как правило, менее формальные институты получают кредиты от формальных финансовых институтов для того, чтобы справиться с дефицитом финансовых ресурсов, тогда как формальные институты используют их для расширения бизнеса. В Танзании сберегательные и кредитные кооперативные союзы, являясь менее формальным институтом, сильно завязаны на формальные институты. Авторы исследуют, используя финансовые отчеты кооперативных союзов в качестве базы данных и панельную регрессию в качестве основного метода, каким образом, финансовая связь, измеряемая как коэффициент финансовой зависимости (financial dependency ratio), влияет на устойчивость кооперативов, измеряемую как операциональную самодостаточность (operational self sufficiency). Результаты показывают, что чем больше зависимость кооперативов от формальных институтов, тем меньше их устойчивость.

Изучению крупнейших кооперативных союзов Малави посвящена статья А.Борда-Родригеса и С.Викари⁹. Предоставлены новые данные об устойчивости кооперативов в африканских условиях. Представлен новый аналитический подход, который можно использовать при изучении устойчивости кооперативов в развивающихся странах. Изучена роль союзов и первичных кооперативов в формировании кооперативной устойчивости. Плохо изученное (да и вообще, малоизвестное) кооперативное движение в Малави, испытывает серьезные трудности, со времени своего зарождения в 1946 году.

⁸ Otieno Ndiege B., Qin X., Kazungu I., Moshi J. The impacts of financial linkage on sustainability of less-formal financial institutions: Experience of savings and credit co-operative societies in Tanzania // Journal of Co-operative Organization and Management. 2013. Vol.2. №2.

⁹ Borda-Rodriguez A., Vicari S. Rural co-operative resilience: The case of Malawi // The Journal of Co-operative Organization and Management. 2014. Vol.2. №1.

Сельские кооперативы здесь претерпевали кризис за кризисом, но, тем не менее, они процветают в таких неблагоприятных обстоятельствах. Авторы рассматривают вопрос, в какой мере и в каком смысле можно говорить, что малавийские кооперативы являются устойчивыми социально-экономическими организациями. Так как тема об устойчивости кооперативов в литературе недостаточно освещена и не выделена в отдельный подраздел в качестве исследовательского вопроса, авторы самостоятельно выделили из существующей литературы по кооперативам ключевые факторы устойчивости. Затем были собраны и проанализированы эмпирические данные о четырех крупнейших кооперативных союзов в Малави, в результате чего было установлено, каким образом они справляются с постоянными вызовами. Авторы утверждают, что они смогли пролить дополнительный свет на природу устойчивости. Кооперативная устойчивость – это долгосрочный процесс, построенный на рефлексивности и взаимодействиях между членами кооператива, его лидерами и национальными и международными организациями.

2.2. Функционирование, экономическая эффективность кооперативов и факторы, влияющие на них

Различным аспектам работы кооперативов посвящено множество работ. С одной стороны, они не сильно отличаются по своему содержанию от анализа аналогичных вопросов применительно к стандартному капиталистическому предприятию: производительность, прибыльность, кредитное поведение и т.п., а также многочисленные внешние (рыночная конъюнктура, государство) и внутренние факторы, влияющие на экономические показатели работы кооперативов. С другой стороны, в этих работах всегда присутствует тезис об особенностях кооперативной организации, и поэтому все эти вопросы рассматриваются сквозь призму этой особенности.

Влиянию экономии от масштаба посвящена статья о новообразованных (с 2007 г., когда был принят новый закон о кооперативах) фермерских кооперативах в одной из провинций Китая¹⁰. Как и для обычных (некооперативных) предприятий, этот эффект действует и в отношении кооперативов: когда выбранная стратегия развития сочетает в себе количественный рост (членов и экономической базы) и специализацию, это улучшает конкурентные позиции. Несмотря на то, что выражение Э.Шумахера «малое прекрасно»¹¹

¹⁰ Liu J., Von Bailey D. Examining Economies of Scale for Farmer Cooperatives in China's Shanxi Province // Journal of Rural Cooperation. 2013. №2.

¹¹ Шумахер Э. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. М.: ВШЭ, 2012.

нередко применяют к кооперативам, реальность часто показывает преимущества крупного.

Нередко статьи построены на сопоставлении стратегий кооперативов и некооперативных фирм. Так, на примере Греции показано, что эти два класса предприятий следуют различным общим стратегиям: капиталистические фирмы стремятся к дифференцированной стратегии, тогда как кооперативы нацелены на низкие издержки¹². Это подчеркивает традиционалистский характер кооперативов¹³. Также утверждается, что кооператив по своей природе не может производить продукт лучшего качества, нежели частное предприятие¹⁴. Это связано с тем, что кооператив, благодаря децентрализованному принятию решений, имеет тенденцию к перепроизводству и проблемам контроля качества продукта (т.н. проблема безбилетника). Лишь в случае, когда кооперативу удастся прекратить перепроизводство, он имеет шанс достичь такого же качества продукции, что и частная фирма. Для сравнения эффективности кооперативных и частных винодельческих предприятий применяется DEA-анализ (data envelopment analysis)¹⁵. Авторы приходят к выводу, что кооперативы демонстрируют большую эффективность.

Финансовые показатели кооперативов могут зависеть от того, кто управляет этими кооперативами, т.е. от характеристик совета директоров. На примере США было протестировано влияние размера совета директоров¹⁶. Такие исследования проводились применительно к корпоративному сектору, но не на кооперативах. Тем не менее, автор получил схожие выводы о том, что превышение среднего размера совета директоров ухудшает некоторые финансовые показатели.

2.3. Лояльность членов кооператива, доверие и социальный капитал

Лояльность работников к своей организации важна не только для кооперативов, но для любой организации. Однако в случае кооперативов она становится критически

¹² Salavou H.E., Sergaki P. Generic Business Strategies in Greece: Private Food Firms versus Agricultural Cooperatives // Journal of Rural Cooperation. 2013. №1.

¹³ Дискуссию о характере кооперативного капитала см. в: Hayes M. Co-operative Capital // Journal of Co-operative Studies. 2013. Vol. 46. №3.

¹⁴ Pennerstorfer D., Weiss C. On The Relative Disadvantage of Cooperatives: Vertical Product Differentiation in A Mixed Oligopoly // Journal of Rural Cooperation. 2012. №1.

¹⁵ Pestana Barros C., Gomes Santos J.C. Comparing the Productive Efficiency of Cooperatives and Private Enterprises: The Portuguese Wine Industry as a Case Study // Journal of Rural Cooperation. 2007. №2.

¹⁶ Keeling Bond J. Cooperative Financial Performance and Board of Director Characteristics: A Quantitative Investigation // Journal of Cooperatives. 2009. Vol.22.

важной. Кооператив предоставляет своим членам гораздо больше прав, нежели частное предприятие, но и предъявляет к ним повышенные требования, которые сильно связаны с идеологической составляющей, т.е. приверженностью кооперативным принципам. Доверие и социальный капитал неразрывно связаны с лояльностью, являются его основой, а также могут рассматриваться как отличительная черта кооперативной формы организации хозяйства и его сравнительным преимуществом.

Одна из довольно распространенных тем в исследованиях по данной тематике – это изучение желания членов инвестировать в свой кооператив. На примере Греции изучается влияние различных факторов на склонность к инвестированию¹⁷. Авторы установили связь с такими переменными как образование, проживание в городе, участие в административных процедурах кооператива, восприятие перспектив и прошлых неудач кооператива. В то же время, зависимости от наличия наследника и размер хозяйства не оказывают влияние на инвестиционное поведение членов кооператива. Похожая проблема рассматривается на примере Китая¹⁸. Были выделены следующие факторы: восприятие членами собственной значимости для кооператива, а также возникающих трудностей, оценка экономических результатов кооператива, его способности оказывать услуги своим членам, наличие государственной поддержки.

Помимо инвестиций, показателем приверженности члена к своему кооперативу может быть практика мониторинга за работой кооператива¹⁹. К сожалению, даже в странах с развитой традицией кооперации, члены кооператива часто неохотно принимают участие в функционировании кооператива, в т.ч. не контролируют его работу. Здесь есть два объяснения. Согласно одному из них, члены кооператива – это классические «безбилетники», которые надеются, что работу по мониторингу будет проводить кто-то другой. Второе объяснение гласит, что все это происходит потому, что члены кооператива доверяют руководству²⁰. Отмечается, что в больших и гетерогенных коллективах проблема безбилетника будет стоять особенно остро.

¹⁷ Kontogeorgos A., Chatzitheodoridis F., Theodossiou G. Willingness to Invest in Agricultural Cooperatives: Evidence from Greece // Journal of Rural Cooperation. 2014. №2.

¹⁸ Wang L., Huo X. Member Willingness To Invest In Agricultural Cooperatives In Shaanxi Province, China // Journal of Rural Cooperation. 2013. №2.

¹⁹ Nilsson J., Svendsen G.T. Free Riding or Trust? Why Members (do not) Monitor Their Cooperatives // Journal of Rural Cooperation. 2011. №2.

²⁰ Эти противоположные объяснения восходят еще к дихотомии общности и общества Ф.Тенниса. подробнее см.: Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. С-Пб. «Владимир Даль», 2002.

Роль социального капитала в кооперативном движении постсоциалистических стран изучает Мюррей²¹. На печальную судьбу многих венгерских сельскохозяйственных кооперативов указывает Форгач²². Кооперативы не пережили последствия радикальных реформ и не выдержали конкуренции на рынке. Однако, некоторая часть из них все же осталась на плаву, а кто-то даже улучшил свои позиции. Автор изучает влияние такого фактора, как лидерство, во время переходного периода. Рассматривается два кейс-стади: случай старого (дореформенного) кооператива и новообразованного, причем, оба кооператива успешные и находятся в одном городе. В традиционном кооперативе социально-ориентированное руководство способствовало преодолению экономических, социальных и психологических барьеров. В случае нового кооператива, ключевую роль сыграл возросший уровень социального капитала, который стал базой для кооперирования.

В исследовании, посвященном участию работников в управлении, подчеркивается, что работники не отождествляют автоматически представительное управление с демократией на рабочем месте²³. Демократическое управление ассоциируется с желанием и способностью руководства учитывать мнения членов относительно объема, глубины, уровня и качества своего участия в управлении. На примере поведения клиентов кооперативных банков показана роль рекламы²⁴, а роль корпоративной социальной ответственности при поддержании лояльности членов исследуют Ф.Бортолето и Д.Моура Коста^{25,26}. Показано, что социально ответственное поведение (расходы на образование, социальные и экологические программы) никак не сказывается на лояльности членов к своему кооперативу. Играть роль лишь экономические показатели (предоставление услуг и дохода).

Локальные кооперативные сети являются автономными добровольными организациями, которые для своего сохранения выполняют ряд экономических и

²¹ Murray C. Social Capital and Cooperation in Central and Eastern Europe - A Framework for Research on Governance // *Journal of Rural Cooperation*. 2008. №1.

²² Forgacs C. Leadership and Importance of Social Capital in Cooperatives During Transition: A Case Study of Two Cooperatives // *Journal of Rural Cooperation*. 2008. №1.

²³ Ridley-Duff R., Ponton A. Workforce Participation: Developing a Theoretical Framework for Longitudinal Research // *Journal of Co-operative Studies*. 2013. Vol. 46. №3.

²⁴ Ioannou M., Boukas N., Skoufari E. Examining the role of advertising on the behaviour of co-operative bank consumers // *Journal of Co-operative Organization and Management*. 2013. Vol.1. №2.

²⁵ Bortoleto F., de Moura Costa D. The Importance of Cooperatives' Corporate Social Responsibility to the Loyalty of Members // *Journal of Rural Cooperation*. 2012. №2.

²⁶ См. также: Mozas-Moral A., Puentes-Poyatos R., Bernal-Jurado E. Spanish second-tier cooperative societies: An analysis of e-corporate social responsibility // *Journal of Rural Cooperation*. 2014. №1.

социальных функций²⁷. Многие из этих функций являются волонтерскими, такие как создание логотипов, совместный маркетинг и сбыт, и т.п., т.е. то, что отдельный член кооператива не может себе позволить в одиночку. Ряд теоретических подходов объясняют способность членов кооператива преодолеть дилемму между, с одной стороны, краткосрочными целями сиюминутного выживания и, с другой стороны, стремлением реализовывать более долгосрочные, общие цели. Как правило, доверие и реципрокность присутствуют с различной степенью интенсивности в кооперативных организациях. Доверие – это способность реагировать на неопределенность для того, чтобы справиться с рисками, а реципрокность представляет собой норму дарообмена. Используя эти понятия, авторы изучают межличностную и межорганизационную приверженность/вовлеченность (commitment) на примере кооперативов мелких предприятий, подчеркивая роль доверия и реципрокности в качестве предтечи приверженности и гарантов межфирменного сотрудничества.

Т.Маццарол, Е.Мамуни Лиминос и С.Ребуд рассматривают кооперативные предприятия как коалиции малых фирм²⁸. В качестве примеров изучаются множество австралийских и французских кооперативов. Авторы разрабатывают концептуальную рамку, которую можно применить к изучению кооперативов. Малые фирмы могут использовать кооперативы для достижения более выгодного конкурентного положения. Критическим моментом являются идентичность членов (их привязанность, ассоциация с кооперативом) и постоянная работа над поддержанием лояльности членов к своему кооперативу. Авторы соотнесли кооперативы с «сетью контрактов» или «коалицией». Это в особенности характерно для кооперативов, которыми владеют производители (producer owned cooperatives), и членами которых являются мелкие экономические субъекты, такие как индивидуальные (семейные) фермеры. Несмотря на то, что проводились исследования стратегического управления сетью (strategic networking) со стороны кооперативов, мало внимания уделялось сетевому поведению и выгодам для малых фирм-членов кооперативов, а особенно – выгодам, рискам и управленческим вопросам, связанным с такого рода сетями. Данная работа основана на кейс-стади австралийских и французских кооперативов производителей, на примере которых изучается, как малые фирмы используют кооперативы в качестве стратегической сети. В работе используется

²⁷ Pesämaa O., Pieper T., Vinhas da Silva R., Black W. C., Hair J. F. Trust and reciprocity in building inter-personal and inter-organizational commitment in small business co-operatives // The Journal of Co-operative Organization and Management. 2013. Vol.1. №2.

²⁸ Mazzarol T., Mamouni Limnios E., Reboud S. Co-operatives as a strategic network of small firms: Case studies from Australian and French co-operatives // The Journal of Co-operative Organization and Management. 2013. Vol.1. №1.

концептуальная рамка, первоначально разработанная для изучения альянсов и сетей малых фирм. Рассматриваются три исследовательских вопроса наряду с тремя взаимосвязанными теориями: ресурсный подход, теория ресурсной зависимости и теория прерывистого равновесия. В итоге, авторы нашли подтверждение релевантности данной концептуальной рамки и указанных теорий. Показано, как малые фирмы могут использовать кооперативы для обеспечения надежного доступа к ресурсам и сглаживанию рисков социально-экономической среды. Тем не менее, устойчивость таких кооперативов зависит от эффективного управления сетью, способности адаптироваться и поддержания доверия и лояльности со стороны членов.

2.4. Управление в кооперативе

Управление в кооперативе – абсолютно ожидаемая тема исследований, как, собственно, и любого корпуса текстов по изучению организаций. Частично изучение кооперативов следует общей логике организационных исследований, но здесь есть и свои особенности, связанные с довольно специфическим внутренним устройством кооператива, отличающим эту организационную форму от прочих. Управленческой проблеме соотношения издержек демократических отношений (democratic cost) и агентских отношений (agency cost) посвящена статья Д.Поззобон, Д.Зильберштейна и Й.Биймана²⁹. Они задаются вопросом, как можно сократить демократические издержки, не увеличивая агентские издержки. Учитываются разные уровни вовлеченности членов, горизонтальные, вертикальные и диагональные конфликты интересов. Авторы приходят к выводу, что кооперативам следует либо увеличить вовлеченность членов, либо использовать дополнительные агентские механизмы (такие, как аудит для контроля менеджмента) для предотвращения проблем в агентских отношениях.

Теоретически сравниваются два типа кооперативов: ориентированные на производителей (producer led) и ориентированные на инвесторов (investor led)³⁰. Это делается на примере ирландских и датских молочных кооперативов, которые доминируют в своей сфере, но претерпевают трансформацию в сторону концентрации и интернационализации. Сравняются также традиционные сбытовые кооперативы и

²⁹ Pozzobon D.M., Zylbersztajn D., Bijman J. How Can Cooperatives Reduce Democratic Costs Without Incurring Excessive Agency Costs? // Journal of Rural Cooperation. 2012. №2.

³⁰ Enright P., Bowler, I. Theorizing "Producer-led" versus "Investor led" Dairy Cooperatives; A Regulationist Perspective // Journal of Rural Cooperation. 2006. №2.

кооперативы нового поколения³¹. Рассматриваются различия между ними в ценообразовании и методах выплат своим членам за сданную продукцию. Традиционные кооперативы выбирают спотовые цены (spot market cash price) и более чутко реагируют на возросшую конкуренцию. Кооперативы нового поколения более склонны выбирать объединенную цену (pooled price) и слабо реагируют на краткосрочные колебания конкурентной борьбы. Вопросы патронажных выплат, ожиданий производителей и оптимального ценообразования сельскохозяйственными кооперативами рассматриваются Ройером и Смитом³².

Целый ряд статей написан об управленческих особенностях и проблемах кооперативов в отдельных странах. Так, статья С.Головиной и Й.Нильссона посвящена т.н. кооперативам, организованным «сверху», т.е. административным путем, что характерно для нашей страны³³. Это было бы неплохим решением, но только в том случае, если сельхозпроизводители, попробовав работать в кооперативе, улучшили бы свое мнение о нем (в самых разнообразных аспектах: желание торговать, управлять, инвестировать, доверять). Однако, как показывают авторы на примере Курганской области, такого не происходит. Тот же Й.Нильссон рассматривает изменения в организационном устройстве молочных кооперативов Новой Зеландии³⁴. Рассматриваются рыночные условия, стратегии и организационные структуры (в терминах коллективизма и индивидуализма) кооперативов. Автор приходит к выводу, что изменения рынка в сторону либерализации и открытости создали для кооперативов новые возможности и среду, в которой лучше подход подходят модели с более индивидуализированными чертами.

Различия кооперативного мышления/теории и повседневных практик управления предприятием особенно очевидны, если рассматривать управление человеческими отношениями в потребительских обществах Великобритании³⁵. С некоторыми исключениями, кооперативные особенности мало что значат для данных управленческих практик. Возможно, для этого есть исторические причины. Так, ранние кооперативные организации были небольшого размера, поэтому Рочдельские пионеры не уделяли

³¹ Gurung R. K., Unterschultz J. R. Evaluation of Factors Affecting the Choice of Pricing and Payment Practices by Traditional Marketing and New Generation Cooperatives // Journal of Cooperatives. 2007. Vol.20.

³² Royer J. S., Smith D. B. Patronage Refunds, Producer Expectations, and Optimal Pricing by Agricultural Cooperatives // Journal of Cooperatives. 2007. Vol.20.

³³ Golovina S., Nilsson J. Russian Agricultural Producers' Views of Top-Down Organized Cooperatives // Journal of Rural Cooperation. 2009. №2.

³⁴ Nilsson J. Co-operative Organisational Models: Changing Patterns in the New Zealand Dairy Co-operatives // Journal of Rural Cooperation. 2007. №1.

³⁵ Webb J. T. From 'Human Resource Development' to 'Co-operative Relationship Development': Managing and Leading in a Co-operative Paradigm // Journal of Co-operative Studies. 2004. Vol. 37. №3.

особого внимания роли кооперативов в качестве работодателей, когда они впервые сформулировали свои кооперативные принципы. Статья Тома Уэбба исследует этот вопрос дальше. Он рассматривает кооперативный и капиталистический подходы к развитию человеческих ресурсов и утверждает, что менеджеры и советы директоров часто заимствуют чуждые им основания, разработанные для предприятий, ориентированных на инвесторов, а не на собственно кооперативную традицию.

На примере США показано, что деловые черты семейных фермеров обостряют влияние аграрианизма на кооперативы³⁶. Аграрное сопротивление индустриализации привело к чрезмерной зависимости от открытых рынков. Перспектива фермерского «рабства» ограничивает возможности кооперативов применять индустриальные технологии. Следовательно, кооперативы рискуют оказаться в институциональной и идеологической западне (lock-in). Избежать эффекта замыкания (lock-in) удалось, когда кооперативы создали кооперативные прототипы индустриализированного свиноводства. Индустриализация сельского хозяйства в США в 20 веке привела к тому, что сельскохозяйственные кооперативы вынуждены были столкнуться с событием, которого они ни желали, ни инициировали. Сельскохозяйственные (или связанные с ним) кооперативы использовали метафоры «рабства» и «кооперативной семьи» для того, чтобы хоть как-то справиться с неопределенностью и повлиять на ожидания сельхозпроизводителей путем предсказания последствий индустриализации и возможных действий для смягчения последствий. Метафора рабства намекала на то, что индустриализация может обойти стороной семейных фермеров (становой хребет экономической системы, согласно аграрной идеологии), либо превратить их в аналог наемных работников, выращивающих сельхозпродукцию по контракту. Метафора семьи отражала то, как кооперативы персонифицировали связи между кооперативом и своими фермерами-членами, чтобы представить себя как прямую противоположность рабству. Гипотеза, гласит, что внутренние характеристики семейного бизнеса, такие как сопротивление переменам и вера в миф о безграничном выборе и независимости, усилило риск институционального замыкания, порожденный аграрной идеологией. Чтобы определиться, произошло ли это самое замыкание, была исследована неинституциональная модель замыкания Воердмана (Woerdman) в контексте зерновых и животноводческих кооперативов конца 20 века. Становящиеся все более эффективными открытые рынки побудили три региональных кооператива разработать собственные модели

³⁶ Hogeland J. Managing uncertainty and expectations: The strategic response of U.S. agricultural cooperatives to agricultural industrialization // The Journal of Co-operative Organization and Management. 2013. Vol.1. №1

индустриализированного свиноводства. В итоге, прямая контракция с сельхозпроизводителями позволила кооперативам избежать институционального и идеологического замыкания.

2.5. Кооперативные ценности и принципы

Вопросы кооперативных ценностей и принципов всегда занимали и занимают сейчас особое место в кооперативных исследованиях. Это отличительная черта всех кооперативных журналов. Хотя в прочих изданиях, посвященных анализу организаций, вопрос корпоративной этики и ценностей в целом тоже затрагивается, но он не занимает такого места, как при исследовании кооперативов. Причем здесь изучаются не вообще ценности, а кооперативные ценности. Кооперативные принципы и ценности, определенные Международным кооперативным альянсом, служат направляющими и одновременно определяющими догматами при создании и функционировании кооперативов. Кооперативы, оставшиеся верными этим догматам, придают огромную значимость своим членам, сообществам и потребителям. В статье С.Гоела проверяется значимость этих догматов для другого типа организации – семейного предприятия³⁷. Показано, что многие из кооперативных принципов и ценностей являются имманентными чертами и основами семейного бизнеса. Принятие кооперативных принципов и ценностей помогает самому семейному бизнесу. Вдобавок, открытое признание схожих оснований кооперативов и семейного бизнеса помогает продвинуться в изучении и продвижении кооперативного сектора³⁸.

Вопросу о том, как на практике воспринимаются кооперативные ценности, посвящена статья Хилла и Долушиц³⁹. По мнению авторов, ценности являются вполне практичным инструментом, особенно для кооперативов. Статья построена на результатах опроса кооперативных менеджеров в Германии. Помимо традиционных кооперативных ценностей, в кооперативах отмечается важность таких «модернистских» ценностей, как надежность, честность и устойчивость. Отмечаются некоторые отличия в ценностных ориентациях для сектора кооперативных банков.

³⁷ Goel S. Relevance and potential of co-operative values and principles for family business research and practice // The Journal of Co-operative Organization and Management. 2013. Vol.1. №1.

³⁸ О том, что деньги являются отнюдь не единственным фактором предпринимательской деятельности см: Harding R. Collaborative Entrepreneurs: Recasting the Entrepreneurial Debate // Journal of Co-operative Studies. 2013. Vol. 46. №3.

³⁹ Hill S., Doluschitz R. The Perception of Co-operative Values in Practice Using Baden-Württemberg, Germany as an Example // Journal of Co-operative Studies. 2014. Vol. 47. №1.

На примере Австралии исследуются причины, лежащие в основе высказывающихся суждений относительно важности и значения кооперативных принципов⁴⁰. Полученные результаты свидетельствуют, что хотя ключевые принципы добровольного и открытого членства, демократического контроля и экономического участия членов подтверждают свое универсальное и фундаментальное значение, некоторые участники кооперативного движения считают избыточными принципы, связанные с образованием, обучением и информированием или заботой о сообществе. Кооперации среди кооперативов уделяется мало внимания из-за отсутствия в Австралии критической массы кооперативов. Участники представили интересные интерпретации некоторых принципов. Хотя некоторые кооперативы не следуют всем принципам, они нацелены на 'человеческие ценности' и готовы служить ориентиром для достижения социальных целей посредством хозяйственной деятельности.

Ганс Мюнкер подчеркивает важность ценностей, на которые опирается менеджмент и анализирует доминирование так называемой модели в интересах инвесторов (investor driven model) над другими формами организации хозяйственной деятельности, включая кооперативы⁴¹. Он сравнивает модели управления в таких компаниях с более ценностно-ориентированными подходами кооперативов и, более широко, - организациями, относящимися к сектору социальной экономики. Автор утверждает, что кооперативные ценности имеют значение не только внутри отдельно взятых кооперативов, но и в случае кооперации между предприятиями, что особенно актуально в эпоху глобализации. Особенности межкорпоративного менеджмента в этом отношении состоят в транспарентности и обязанности публиковать данные и доходы организации.

2.6. Социально-экономическая природа кооператива

Уже долгое время кооперативы считаются особым типом экономической организации, предназначенным для обслуживания нужд своих членов, а не для извлечения прибыли инвестором. Первопричину такой «особости» можно найти в концепции так называемой «двойственной природы» кооперативов, в систематической форме предложенной Георгом Драхеймом в 1955 году. Согласно этой концепции, каждый

⁴⁰ Oczkowski E., Krivokapic-Skoko B., Plummer K. The meaning, importance and practice of the co-operative principles: Qualitative evidence from the Australian co-operative sector // Journal of Co-operative Organization and Management. 2013. Vol.1. №2.

⁴¹ Münkner H. Better Together. Management, morals and co-operation in times of globalisation // Journal of Co-operative Studies. 2006. Vol. 39. №1.

кооператив одновременно представляет собой социальную группу, т.е. ассоциацию людей в понимании социологии или социальной психологии, и совместное предприятие, которым владеют и управляют те же самые люди. Наличие у кооперации такого социального основания делает ее демократической и ориентированной на людей, что отличает ее от капиталистической организации. В течение всей истории кооперативной мысли просматривается постоянно повторяющаяся тема, связанная со сравнительным анализом кооператива и капиталистической организации. Чаше прочих в этих сравнениях поднимались следующие вопросы: какой тип наиболее эффективен; какие у них преимущества и недостатки; могут ли кооперативы вытеснить капиталистические фирмы или преимущества кооперативов ограничены определенными секторами хозяйства, и какие это секторы; возможно ли дать рациональное экономическое объяснение особенностям кооперативов.

К этим вопросам добавляется все нарастающий процесс т.н. «экономизации» кооперативов, т.е. изменение внутренней природы кооперативов от социального движения к предприятиям (иначе – трансформация управленческих механизмов от кооперативных к капиталистическим). Валентинов применяет концепцию социального капитала для того, чтобы показать отличительные черты кооперативов в сравнении с классическими капиталистическими предприятиями⁴². Эта концепция позволяет продемонстрировать, почему и в каких случаях кооперация представляет собой эффективную альтернативу капиталистическим управленческим механизмам. Она позволяет экономически обосновать «двойную природу» кооперативов и уловить главные отличия кооперативного управления. Кооперативные принципы, в данном свете, являются управленческими инструментами усиления социального капитала. В итоге кооперативы представляют собой организации, в основе которых лежит социальный капитал. Последний играет в кооперативах такую же роль, какую играют цены и административная власть для рынка и иерархического управления (в терминах Рональда Коуза).

Для кооперативов и прочих организациях, которые ориентируются на кооперативные принципы, социальный капитал является основным ресурсом. Особая роль кооперативной организации в хозяйстве объясняется тем, что в среде капиталистических рынков и иерархий она довольно неустойчива и представляет собой единственный альтернативный управленческий механизм для определенного набора транзакций, т.е. там, где нет кооператива, эти транзакции не происходят. Автор останавливается на

⁴² Valentinov V. Toward a Social Capital Theory of Co-operative Organisation // Journal of Co-operative Studies. 2004. Vol. 37. №3.

следующих фундаментальных вопросах кооперативной организации с точки зрения концепции социального капитала. Во-первых, это проблема социальной ориентированности кооперативов, которая означает, что социальный капитал является основным ресурсом для всех организаций, горизонтально объединяющих взаимозависимых акторов. Во-вторых, социальный капитал объясняет преимущества и недостатки кооперативной организации в сравнении с классической капиталистической фирмой: он позволяет кооперативу лучше адаптироваться к неопределенности, но накладывает дополнительные ограничения при коллективном принятии решений (в случае недостатка социального капитала). В-третьих, кооперативные принципы, проводимые в жизнь МКА, играют инструментальную роль поддержания и приращения социального капитала. В-четвертых, концепция социального капитала объясняет процесс экономизации кооперативов: с ростом размеров кооператива выгоды от экономического капитала начинают превосходить выгоды от социального капитала, что приводит к доминированию первого на уровне управления.

2.7. Трансформация кооперативов

Трансформация – интересный сюжет для изучения организаций. Не обходят его и исследователи кооперативов; благо, что кооперативы действительно не стоят на месте, как, впрочем, и окружающая их социально-экономическая действительность, к которой они вынуждены приспосабливаться. Обзору трансформаций, провалов и реструктурирования кооперативов за последние 10 лет посвящена статья М.Фултона и Б.Хута⁴³. Какие-то из рассматриваемых случаев были вызваны просто плохим управлением, что свойственно не только кооперативам, но всем деловым организациям. Однако у кооперативов есть и специфические для них структурные проблемы: нехватка капитала, проблемы прав собственности. Наконец, в сельском хозяйстве есть проблема индустриализации, которая обостряет проблему капитала и необходимости интегрироваться в цепи поставок. На трансформацию кооперативов смотрят также и с других углов зрения. Так, выделяется два корня в кооперативном движении в Европе: идеологический и утилитарный (деление проходит примерно на уровне, соответственно, юга и севера Европы)⁴⁴.

⁴³ Fulton M., Hueth B. Cooperative Conversions, Failures and Restructurings: An Overview // Journal of Cooperatives. 2009. Vol.23.

⁴⁴ Morales Gutiérrez A.C., Romero Atela, T., Muñoz Dueñas, D. A Comparative Synthesis of 20th Century Agricultural Cooperative Movements in Europe // Journal of Rural Cooperation. 2005. №1.

Ряд статей посвящен постсоциалистическим странам. Развитию сельскохозяйственных производственных кооперативов (СПК) в России посвящена статья Головиной, Нильссона и Вольца⁴⁵. Авторы пытаются объяснить жизнестойкость этой не самой экономически эффективной формы сельскохозяйственного производства. Такой же трансформации сельскохозяйственных производственных кооперативов, но уже в Восточной Германии, посвящена статья Вольца, Копсидиса и Рейнсберга⁴⁶. Там произошла похожая история. Несмотря на то, что после объединения Германии большинство западных аналитиков предсказывало, что семейные фермы быстро сменят коллективные предприятия. Однако так не произошло: трансформированные СПК и другие корпоративные хозяйства по-прежнему доминируют, хотя их число и неуклонно сокращается (этот процесс можно назвать второй волной трансформации). Гарднер и Лерман отмечают, что в переходных экономиках кооперативам пришлось столкнуться с дополнительными трудностями в сравнении с кооперативами в развитых капиталистических странах⁴⁷. Эти трудности связаны, главным образом, с культурными барьерами социалистического прошлого. По мнению авторов, в сельскохозяйственном производстве у кооперативов мало шансов выжить, а вот услуги сбыта и снабжения вполне могут быть успешно освоены кооперативами. Что касается стран, вошедших в ЕС, то им пришлось подстраиваться под европейское законодательство о сельском развитии⁴⁸. При имплементации своей политики ЕС привык полагаться на сельские социальные сети или выстраивать их в случае отсутствия таковых.

Сразу несколько статей рассматривают изменения, происходящие в среде ирландских сельскохозяйственных кооперативов^{49,50}. Последние переживают время слияний. Стремясь извлекать выгоду от эффекта масштаба, кооперативы объединяются со своими соседями и даже выходят на фондовый рынок в целях привлечения капитала для осуществления слияний. Однако авторы показывают, что мелкие кооперативы умудряются выживать в среде гигантов, платить более высокие цены своим членам за поставляемую продукцию и делать местные сообщества более устойчивыми.

⁴⁵ Golovina S., Nilsson J., Wolz A. The Development of Agriculture Production Cooperatives in Russia // Journal of Rural Cooperation. 2012. №1.

⁴⁶ Wolz A., Kopsidis M., Reinsberg K. The Transformation of Agricultural Production Cooperatives in East Germany and Their Future // Journal of Rural Cooperation. 2009. №1.

⁴⁷ Gardner B., Lerman, Z. Agricultural Cooperative Enterprise in the Transition from Socialist Collective Farming // Journal of Rural Cooperation. 2006. №1.

⁴⁸ Murray C., Beckmann V., Hurreimann A. The Governance of Cooperation: Policy Implications for Rural Central and Eastern Europe // Journal of Rural Cooperation. 2008. №1.

⁴⁹ Murtagh A., Ward M. Structure and Culture: The Evolution of Irish Agricultural Cooperation // Journal of Rural Cooperation. 2011. №2.

⁵⁰ Briscoe R., Ward, M. Is Small both Beautiful and Competitive? A Case of Irish Dairy // Journal of Rural Cooperation. 2006. №2.

Утверждается, что структурные изменения в кооперативах зависят, помимо прочего, и от изменений в кооперативной культуре. Слияния порой рассматриваются как общеевропейская формула образования кооперативных обществ⁵¹. ЕС поддерживает их трансграничный характер. Однако подобный подход своим последствием (возможно, незапланированным) стал иметь не только создание новых кооперативов (чего и хотели законодатели), но и слияние уже существующих кооперативов.

Китай является примером, где основным мотором развития кооперации является государство, причем делает это небезуспешно⁵². В 2007 г. государство приняло закон о фермерских профессиональных кооперативах. В их развитии, помимо государства, играют роль местные предприниматели, которые объединяют фермеров в группы и добиваются поддержки от местных и региональных властей. Теоретический анализ возможных путей рыночной координации венгерских производителей молока рассматривают Сабо и Попович⁵³. Приведенная там ситуация типична: крупные игроки (переработчики) подавляют мелких (производители молока в виде фермерских хозяйств). Напротив, Дания представляет собой страну с сильно развитой кооперацией в сельском хозяйстве⁵⁴. Эта кооперация является частным случаем кооперативизма – идеологии, которая сильно повлияла на политическое устройство и социальную модель страны в целом. С самого начала кооперативизм помог мелким фермерам не только выжить, но и стать главными экспортерами страны: до 1960 г. более половины иностранной валюты поступало в страну от продажи сельскохозяйственной продукции, которая реализовывалась через кооперативные структуры. Несмотря на индустриализацию сельского хозяйства, идеология кооперативизма по-прежнему является одной из опор датского сельского хозяйства.

Для нас наиболее интересными источниками являются работы, посвященные влиянию кооперативов на формирование социального капитала, социальной сплоченности в сообществах. Как правило, социальный капитал рассматривается как своего рода пререквизит для создания кооператива. Здесь же рассматривается обратное влияние. Действительно, даже возникая исходя из чисто утилитарных мотивов, кооператив может благотворно влиять на социальную сплоченность, благодаря присущим кооперативу

⁵¹ Melia M. E., Sanchez M. D. Merger as a Formula to Establish European Cooperative Societies // Journal of Rural Cooperation. 2006. №1.

⁵² Bijman J., Hu D. The Rise of New Farmer Cooperatives in China: Evidence from Hubei Province // Journal of Rural Cooperation. 2011. №2.

⁵³ Szabo G., Popovic P. Possible Ways of Market Coordination and Integration in the Hungarian Dairy Sector // Journal of Rural Cooperation. 2009. №1.

⁵⁴ Jakobsen G. Agriculture and Co-Operativism, a Persistent Duality: The Case of Denmark // Journal of Rural Cooperation. 2006. №1.

демократическим принципам⁵⁵. Утверждается, что кооперативы способствуют созданию здоровой общественной сферы и смягчают «дефицит легитимности», все чаще провозглашаемый антиглобалистами. Кооперативы рассматриваются как одно из средств демократизации рыночной системы. Они могут стать жизнеспособной альтернативой глобальному капитализму и транснациональным корпорациям.

Кооперативы представляют собой альтернативу крупным корпоративным хозяйствам и независимым неаффилированным мелким частным хозяйствам. В статье М.Альтмана представлен сравнительный анализ потенциала кооперативных организационных форм оказать воздействие на справедливое развитие сельских районов⁵⁶. Это означает как увеличение собственно величины ресурсов, так и их распределения. Предполагается, что кооперативы потенциально способны обеспечить более высокие темпы роста и более справедливое распределение даже в конкурентной экономической среде.

Процессы глобализации и индустриализации побуждают традиционные сельские сообщества, такие, как израильские киббуцы, искать новые стратегии выживания⁵⁷. Одна из них состоит в полагании на собственные ресурсы. Ключевым моментом здесь является пестование местных предпринимательских инициатив, создание рабочих мест в пределах сообщества. Предпринимательская деятельность способна создавать ресурсы, которые, в свою очередь, усиливают развитие социального капитала и вносят вклад в потенциал сообщества. Развитие сообщества требует разнообразных ресурсов: природные ресурсы, экономический капитал, человеческий и институциональный капиталы. Социальный капитал связывает все эти ресурсы воедино: сеть социальных отношений, основанных на доверии и реципрокности, приводит к общей выгоде. Таким образом, социальный капитал отражает способность членов сообщества участвовать, сотрудничать, организовывать и взаимодействовать. Т.к. многие сельские сообщества, не исключая киббуцы, переживают сейчас не лучшие времена, особую важность приобретают инициативы, направленные на усиление экономической независимости людей и развитие сообщества.

⁵⁵ Dobrohocski R. Cooperatives as Social Policy Means for Creating Social Cohesion in Communities // Journal of Rural Cooperation. 2006. №2.

⁵⁶ Altman M. Cooperative organizations as an engine of equitable rural economic development // Journal of Cooperative Organization and Management. 2013. Vol.2. №2.

⁵⁷ Heilbrunn S. Entrepreneurship, Social Capital and Community Development: The Case of the Israeli Kibbutz // Journal of Rural Cooperation. 2005. №2.

Глава 3. Современное состояние и тенденции развития кооперативной модели в сельской России

Сельская кооперация в России находится в трудном положении. Несмотря на то, что в мире кооперативная деятельность является значимой частью экономики многих стран, особенно в сельском хозяйстве [52; 53], в России сельская кооперация является едва ли не самым слабым элементом сельского хозяйства страны. Это особенно удивительно, если вспомнить, что в начале XX века российская кооперация переживала бурный рост.

Общеизвестно, что главным источником и выгодоприобретателем от сельской кооперации выступают мелкие производители: фермеры и домохозяйства. За последние четверть века в сельском хозяйстве России произошли радикальные перемены, связанные с упразднением советской колхозно-совхозной системы и внедрением рыночных институтов. По замыслам реформаторов, главным сельскохозяйственным производителем в стране должно было стать фермерское хозяйство, однако на практике все пошло по-другому. Фермеры появились, но их роль в общем объеме сельскохозяйственной продукции была и остается незначительной. Зато на фоне экономического кризиса резко возросла роль личных подсобных хозяйств населения [55] (ЛПХ)⁵⁸. По официальным данным, в 2013 г. на сельхозпредприятия приходилось 49% всей сельскохозяйственной продукции, на домохозяйства – 41%, а на фермеров – лишь 10% [56]. При этом, еще в начале 2000-х гг. доля сельхозпродукции, производимой в ЛПХ, превышала 50%. Это была реакция населения на экономический кризис 1990-х гг., т.е. значительная часть ЛПХ – это способ выживания сельского населения, а не бизнес. По некоторым оценкам, при улучшении экономического положения в стране, роль ЛПХ будет неуклонно сокращаться [57; 58; 59. С. 24-26].

В то же время, с 2000-х гг. наблюдаются процессы концентрации сельскохозяйственного производства за счет укрупнения сельхозпредприятий и создания сверхкрупных агрохолдингов и одновременного вымывания средних сельхозпредприятий [60; 61]. Курс на агрохолдинги взяли, главным образом, наиболее развитые аграрные регионы юга России – Белгородская область [62], Татарстан [63], Краснодарский край [64]. Укрупнение сельхозпредприятий, в т.ч. и создание агрохолдингов поддерживается государством и региональными элитами; на их поддержку выделяют значительные

⁵⁸ Российская официальная статистика выделяет три типа сельхозпроизводителей: (1) сельскохозяйственные предприятия, (2) фермеров или крестьянские хозяйства, т.е. зарегистрированных в качестве предпринимателей, и (3) личные подсобные хозяйства населения.

средства, не идущие ни в какое сравнение с поддержкой, оказываемой мелким сельхозпроизводителям [65]. С одной стороны, это дало свои плоды: например, Россия вышла на одно из лидирующих мест в мире по экспорту зерна в первую очередь благодаря крупным производителям, хотя доля агрохолдингов здесь не столь велика. Налицо также успехи в производстве свинины и мяса птицы, где агрохолдинги играют более заметную роль [60]. Однако есть и свои проблемы. Сверхкрупные производства сталкиваются с проблемами управления и нередко оказываются неэффективными [66]. В частности, агрохолдинги так и не смогли наладить эффективное производство молока, требующее «длинных» денег (пример Татарстана [63]). Таким образом, мы видим, что как федеральное правительство, так и региональные власти полагаются, прежде всего, на крупные предприятия, отводя мелким производителям и их кооперативам вспомогательную роль.

Примечательно, что сельская кооперация так и не стала тем инструментом, который мог бы помочь мелким производителям (семейным фермерам и ЛПХ) повысить эффективность своего производства и отстаивать свои интересы на рынке. О слабом развитии сельской кооперации скажет любой российский ученый-аграрник. Более того, это признает и официальная власть. Так, министр сельского хозяйства Федоров прямо признал неэффективность сельской кооперации, ее фрагментированность. Более того, по его словам, государство не знает число реально работающих кооперативов на селе [67].

Несмотря на явный приоритет крупного сельскохозяйственного производства перед мелким в глазах государства, было бы несправедливым сказать, что правительство вообще махнуло рукой на мелких сельхозпроизводителей. Можно отметить несколько государственных программ, в которых в явном виде (черным по белому) были прописаны меры по стимулированию мелких форм сельскохозяйственного производства. Одной из таких мер выступало развитие сельской кооперации. Можно отметить несколько таких программ.

Во-первых, это национальный проект «Развитие АПК» 2006-2007гг. В нем, в частности, была заложена помощь мелким сельхозпроизводителям, включая ЛПХ, и их кооперативам в виде субсидирования ставки по кредиту, хотя вопрос о том, стоит ли оказывать им помощь, или, как обычно, лучше сосредоточиться лишь на поддержке крупных игроков, активно обсуждался накануне принятия проекта. Более того, ограничений на субсидии у малых форм хозяйствования было меньше, чем у крупных, а кооперативам выдавались более крупные кредиты, чем отдельным фермерам и ЛПХ, стимулируя последних к созданию кооперативов [68]. Также в рамках проекта был использован механизм стимулирования создания сельскохозяйственных кредитных

потребительских кооперативов (СКПК) в виде участия ОАО «Россельхозбанк» в качестве ассоциированного члена. Совокупный размер вноса банка составил более 650 млн. рублей.

С 2008г. национальный проект был преобразован в государственную программу развития сельского хозяйства, в котором поддержка потребительских кооперативов ставит своей целью развитие их материально-технической базы за счет субсидированного кредитования. Сейчас в России действует программа на 2013-2020 гг. [69]. Судя по тексту этой программы, можно пока что робко предполагать, что государство решило все-таки со второй попытки создать значительный слой фермерских хозяйств. Вернее, поддержать тот медленный рост удельного веса фермеров в сельском хозяйстве страны, которому поспособствовал и национальный проект «Развитие АПК».

На Первом всероссийском съезде сельских кооперативов, который состоялся в марте 2013 г., была принята «Концепция развития кооперации на селе на период до 2020 года» [16]. В ней предусмотрены механизмы поддержки сельских кооперативов: экономической, правовой, консультационной, образовательной.

Наконец, в 2015 г. была принята «Стратегия устойчивого развития сельских территорий» [17]. В ней также указывается на необходимость развития сельской кооперации, как одного из механизмов устойчивого развития села. В качестве целевого показателя развития кооперации в программе выбран среднегодовой темп прироста выручки кооперативов в размере 12%.

В России кооперация на селе в основном регулируется двумя законами: «О сельскохозяйственной кооперации» и «О потребительской кооперации». В законодательстве России предусмотрены два вида сельскохозяйственных кооперативов: сельскохозяйственные производственные кооперативы (сокращенно СПК) и потребительские кооперативы (СПоК), в которые входят и кредитные кооперативы (СКПК). Производственные кооперативы являются коммерческими организациями. Потребительские кооперативы относятся к некоммерческим организациям. Потребительские общества (ПО) относятся к некоммерческим организациям (Таблица 1).

Таблица 1 – Характеристика нормативно-правовой базы сельской кооперации в России

Сельскохозяйственный кооператив - организация, созданная сельскохозяйственными товаропроизводителями и (или) ведущими личные подсобные хозяйства гражданами на основе добровольного членства для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности, основанной на объединении их имущественных паевых взносов в целях удовлетворения материальных и иных потребностей членов кооператива.		Потребительское общество - добровольное объединение граждан и (или) юридических лиц, созданное для торговой, заготовительной, производственной и иной деятельности в целях удовлетворения материальных и иных потребностей его членов
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН от 08.12.95 N 193-ФЗ (ред. от 04.11.2014 с изменениями, вступившими в силу с 16.11.2014) "О СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ"		Закон РФ от 19.06.1992 N 3085-1 (ред. от 02.07.2013) "О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации" (19 июня 1992 г.)
Сельскохозяйственный производственный кооператив создается гражданами для совместной деятельности по производству, переработке и сбыту сельскохозяйственной продукции, а также для выполнения иной не запрещенной законом деятельности основанной на личном трудовом участии членов кооператива	Сельскохозяйственный потребительский кооператив создается сельскохозяйственными товаропроизводителями и (или) ведущими личное подсобное хозяйство гражданами при условии их обязательного участия в хозяйственной деятельности кооператива.	Добровольное объединение граждан и (или) юридических лиц, созданное по территориальному признаку, на основе членства путем объединения его членами имущественных паевых взносов для торговой, заготовительной, производственной и иной деятельности в целях удовлетворения материальных и иных потребностей его членов.
Коммерческая организация (ст. 3 п.2)	Некоммерческая организация	
Число членов не менее 5 (ст. 3 п.5)	Число членов не менее 2 юридических лиц или не менее 5 граждан (ст. 4 п.11), для кредитного – не менее 15 граждан и (или) 5 юридических лиц	Число учредителей – не менее 5 физических и (или) 3 юридических лиц (ст. 7).
Число работников производственного кооператива (за исключением работников, занятых на сезонных работах) не должно превышать число членов этого кооператива (ст. 3, п.6). Виды: - Сельскохозяйственная	Не менее 50% объема работ (услуг) должно осуществляться для членов кооператива (ст. 4 п.13). Виды: - перерабатывающие; - сбытовые; - обслуживающие (в т.ч. кредитные и страховые); - снабженческие; - садоводческие,	Размер кооперативных выплат определяется общим собранием потребительского общества и не должен превышать 20% от доходов потребительского сообщества (ст. 24). Кооперативные выплаты распределяются между пайщиками пропорционально их участию в хозяйственной

артель (колхоз) создается гражданами, пай может быть в виде земельных участков, которые передаются в паевой фонд. - Кооперативное хозяйство (коопхоз) создается главами крестьянских (фермерских) хозяйств или ЛПХ, земельные участки в паевой фонд не передаются.	огороднические и животноводческие.	деятельности потребительского общества или их паевым взносам.
Кооперативные выплаты и убытки между членами кооператива распределяются в соответствии с размерами оплаты их труда в кооперативе (ст. 36).	Убытки покрываются исключительно за счет дополнительных взносов пайщиков в течение трех месяцев после утверждения годового баланса (ст. 123.3 Гражданский кодекс РФ).	
Кооператив формирует фонды, составляющие его имущество. Виды, размеры этих фондов, порядок их формирования и использования устанавливаются общим собранием членов кооператива в соответствии с законом и уставом кооператива (ст. 35).	Имущество потребительского общества не распределяется по долям (вкладам) между пайщиками (ст. 21).	
Кооператив не вправе эмитировать собственные ценные бумаги. Единственным учредительным документом кооператива является Устав. Члены кооператива имеют обязанности и права и несут субсидиарную ответственность		

Подобное законодательство не видит единую сущность кооперативных организаций, априорно разделяя одних на коммерческие производственные, а других на некоммерческие потребительские (стоит поставить прилагательное «потребительский» впереди названия кооператива, как эта организация автоматически должна поменять основную свою цель – извлечение прибыли – на другую и получить иной налоговый режим). Раздробленные российские законы о кооперации не способствуют ни устойчивому развитию кооперации, ни ее конкурентоспособности, ни формированию в стране единого кооперативного сектора и реального кооперативного движения в целом. Численность кооперативов разных видов представлена в Таблице 2.

Таблица 2 – Количество сельскохозяйственных кооперативов и потребительских обществ на селе по состоянию на 1 января 2013 г.

Форма кооперации	Зарегистрировано кооперативов		
	Всего	Работающих	доля работающих
СПК	12 190*	7 588	62%
СПоК	7 349	4 583	62%
из них СКПК	1 875	1 252	68%
ПО**	3 100*	2 852	92%

*данные на 1 января 2012г. Даже в этом официальном документе авторы умудрились запутаться. Далее по тексту они пишут, что 12 190 СПК было зарегистрировано в 2011г., а в 2012г. их было 10 319.

**организации в рамках Центросоюза

Источник: Концепция развития кооперации на селе на период до 2020 года // Материалы Первого Всероссийского съезда сельских кооперативов 21-22 марта 2013г., Санкт-Петербург. М.: ФГБНУ «Росинформагротех». 2013.

По более свежим данным, на 1 января 2014г. зарегистрировано 6913 потребительских кооперативов, из которых 1846 кредитных [17]. Вообще, статистический учет кооперативов не достаточно открыт, и данные приходится черпать из материалов конференций, государственных стратегий развития и выступлений официальных лиц, а не из открытых материалов Росстата. Но как бы то ни было, для такой большой страны как Россия, число кооперативов явно недостаточно.

Законодательство и историческая траектория развития не всегда совпадают. Между тем, исторически современная сельская кооперация в России имеет три корня. Первый – это СПК, которые являются прямыми наследниками колхозов. Второй – это потребительские кооперативы в системе Центросоюза. Они также берут свои истоки в советской экономической системе. Наконец, третий – это вновь создаваемые (уже в постсоветское время) кооперативы: сервисные (снабженческие, сбытовые, перерабатывающие) и кредитные. Часть из них входит в общероссийскую «Ассоциацию крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России» (АККОР). Другие кооперативы входят в Федеральный союз сельскохозяйственных потребительских кооперативов (около 100) и Союз сельской кредитной кооперации (около 200). Таким образом, в категорию потребительских кооперативов попадают совершенно разнородные организации, поэтому классифицировать кооперативы на основе одного лишь законодательства было бы некорректно.

Исходя из этого, мы отдельно опишем ситуацию с СПК, потребительской кооперацией в системе Центросоюза и созданными в постсоветское время потребительскими кооперативами. Кредитные кооперативы мы опускаем, т.к. не обладаем

достаточной информацией об их состоянии. Скажем лишь, что их численность заметно растет: так, если в 1996 г. их было лишь 8 на всю страну, в 2001 г. их насчитывалось уже 196, то в 2013 г. – 1875 [16]. Однако ничего определенного об их реальной деятельности мы сказать не можем.

С точки зрения мирового кооперативного опыта, СПК являются довольно странными организациями. Как справедливо замечают Гарднер и Лерман, СПК не являются кооперативами в Западном понимании [70]. Фактически они мало чем отличаются от иных организационных форм, которые приняли бывшие колхозы и совхозы в ходе их реформирования в начале 1990-х гг. Их возникновение было исторически обусловлено тем, что коллективное сельское хозяйство прочно укоренилось в российском селе, и работники колхозов вовсе не горели желанием их расформировывать. В этом смысле, СПК является наиболее близкой к колхозу организационной формой.

На данный момент в СПК заняты более 800 тыс. сельских жителей (более 14% от всех занятых в сельском хозяйстве). Их живучесть порой озадачивает западных исследователей. Головина, Нильссон и Вольц выделяют исторические (прежде всего, советское наследие) и институциональные причины устойчивости СПК [71].

По данным исследования 1401 члена СПК Курганской области, Головина, Нильссон и Вольц делают вывод, что выбор работников в пользу СПК определяется огромными транзакционными издержками (специфические активы, неопределенность), связанными с переходом к другой организационной форме [72]. Иными словами, члены СПК оказываются прикрепленными к нему, как когда-то к колхозу (авторы здесь видят яркий пример так называемой «зависимости от колеи»). Здесь играют роль как мотивы самих работников, привязывающих их к кооперативу (неготовность к риску и предпочтение спокойной жизни; привычка к работе в крупных хозяйствах, укорененная с советских времен), так и заинтересованность руководства СПК в удержании своих членов. В итоге, авторы также не видят особых перспектив для СПК.

На данный момент мы согласны с довольно пессимистичными взглядами исследователей на будущее СПК, хотя считаем, что они еще довольно долго будут играть значительную роль в сельском хозяйстве России. Однако не исключено, что ситуация может поменяться, и СПК вновь окажутся востребованными.

Какие выводы можно сделать из короткого исторического экскурса? Во-первых, необходимо отметить, что за 150 лет своего развития сельскохозяйственные производственные кооперативы не достигли расцвета и совершенства в организационном устройстве. Основная причина состоит в том, что, несмотря на народный характер СПК, востребованным со стороны крестьянина он не был. Главным инициатором создания

кооперативов выступали, как правило, государство или интеллигенция, увлеченная идеями социализма. Во-вторых, некоторый всплеск активности производственных кооперативов в конце XX века свидетельствует о том, что, в принципе, в экономике возможна ситуация, при которой СПК способны занимать свою нишу в общественном производстве. В-третьих, кооперативы занимают нишу в эволюции общественного производства, которая совпадает с переходом от мелкого товарного производства к крупному товарному производству. В-четвертых, СПК получают массовое развитие только при поддержке государства и в тех формах, которые, по мнению государства, наиболее точно отвечают поставленным перед кооперативами задачам.

В советское время Центросоюз был довольно разветвленной организацией. Основная его деятельность состояла в осуществлении торговли в сельской местности (преимущественно, продовольствием) и закупке сельхозпродукции у населения. Торговая деятельность на селе была социально важна, и Центросоюз был порой единственной организацией, предоставлявшей продукты первой необходимости на село, особенно в отдаленные сельские поселения. По данным ведомственной статистики, в 1990г. российская потребительская кооперация обслуживала 40% населения страны, ее членами были 30 млн. сельских жителей России. На ее долю раньше приходилась половина заготовок картофеля, треть закупок овощей, более трети выпечки хлеба и т.п. Правда, значительную часть этой торговли составляла алкогольная продукция, а вместе с продажей сигарет и иных социально опасных товаров составляла порой до трети товаров первой необходимости.

С распадом СССР Центросоюз в целом сохранил свои прежние функции [73]. По-прежнему, торговая деятельность является для него основной: по данным за 2012 г., около 70% всего объема его деятельности составляет розничная торговля, при этом 76% всего оборота розничной торговли составили продовольственные товары [74]. Торговля через организации потребительской кооперации по-прежнему ориентируется преимущественно на село (80% магазинов находятся в сельской местности). Однако по сравнению с советским временем, вес потребкооперации на селе сильно упал: если в 1990г. он составлял 84% в общем товарообороте на селе, то на данный момент составляет лишь 13% [17]. Справедливости ради, надо сказать, что причиной этого стал не только упадок потребительской кооперации, но и приход на село частных предпринимателей в связи с распадом советской хозяйственной системы.

В системе кооперации Центросоюза продолжают существовать ключевые проблемы, с советских времен так и не решенные [50; 75]. Не преодолен сложившийся негативный имидж кооперативов: люди проявляют безразличие или не доверяют

кооперативам, чья членская база многократно сократилась и не имеет тенденций к увеличению. Члены кооперативов так и не стали подлинными и реальными хозяевами своих организаций, где заправляют делами чиновники, предприимчивые служащие и работники, которые на первый план ставят свои интересы, и слабо нацелены на удовлетворение конкретных потребностей членов-пайщиков. Потребительская кооперация в последние десятилетия все чаще покидала села и деревни, переходя на платежеспособные рынки в более крупных поселениях, туда, где коммерческая выгода для «кооператоров» была очевидна. В 1990-е годы «кооператоры» удачно для себя отчуждали кооперативную собственность, растаскивали и приватизировали ее по частям (оптовые базы, колхозно-кооперативные рынки, предприятия торговли, общепита, учебные заведения и т.п.). Мощно росли собственные хозяйства районных, областных, республиканских (краевых) потребительских союзов и Центросоюза РФ. Эти крепкие и достаточно высокорентабельные хозяйства, законодательно защищенные статусом некоммерческих организаций, зарабатывают обычным бизнесом доходы для себя, но игнорируют интересы членов низовых кооперативов. Собственные хозяйства потребительских союзов разного уровня представляют собой крупные корпоративные структуры, занимающиеся сдачей в аренду собственности, торговлей, производством, переработкой закупаемого сырья, предоставлением образовательных услуг и пр.

Отсутствие реальных и заинтересованных собственников низвело до мизерных значений показатели рентабельности кооперативов и их предприятий, среди которых немало убыточных. Потребительские общества с их предприятиями представляют собой слабую по технической вооруженности и инновациям структуру с низким уровнем обновления технологий. Уровень рентабельности кооперативной торговли в целом составляет 1%, но содержание малорентабельных и даже убыточных магазинов покрывается в конечном итоге во многом за счет средств налогоплательщиков и органов власти различных уровней.

В 2014 году 35 регионов, где еще имеется потребительская кооперация, закончили год с огромными убытками, в том числе в торговле, на общую сумму в 400 млн. руб. За последние 8 лет снижаются все объемные экономические показатели: сокращаются закупки в сельских подворьях картофеля, мяса, овощей на 20-30%, до 50% упало производство хлеба, консервов, мясо-колбасных изделий и т.д. [76].

Если к обозначенным проблемам добавить немало других (выход или приостановка членства в Центросоюзе РФ целого ряда региональных потребительских союзов, демократическое проведение кооперативных съездов всех уровней, организация честных и конкурентных выборов, доверие и легитимность руководителей, финансово-

хозяйственная гласность и открытость, противодействие коррупции, обмана и т.д.), то следует откровенно признать наличие затянувшегося не на одно десятилетие глубочайшего системного кризиса кооперативных организаций.

Создаваемые с нуля в постсоветское время кооперативы не имеют того негативного советского багажа, который мешает кооперативам с советским прошлым. Эти кооперативы в большей степени отвечают интересам своих членов, а не как раньше, интересам государства.

Количество потребительских кооперативов за последние годы заметно выросло. Этому не в последнюю очередь поспособствовали государственные программы, начиная с национального проекта «Развитие АПК». Так, с 2006 по 2013гг. их число выросло почти в 5 раз [17]. Причем, рост продолжался и после завершения национального проекта [16]. Несмотря на это, развитие сельскохозяйственной потребительской кооперации в России явно недостаточно: по некоторым оценкам, эти кооперативы обеспечивают не более 1% потребностей своих членов.

По мнению Биймана и Хендриксе, традиционными причинами создания кооператива сельскими производителями являются усиление переговорных позиций на рынке, преодоление асимметрии информации и защита специфических инвестиций [77]. Эти проблемы возникают, прежде всего, в отношениях с переработчиками или перекупщиками. В наших двух случаях первым толчком к созданию кооперативов послужили административные причины, т.е. решения федеральных и региональных властей. В результате, появились специфические кооперативы, созданные сверху. Тем не менее, все указанные выше проблемы все равно возникли. Только в первом случае они никак не решались, а во втором – решались весьма специфическим образом.

Неудачный опыт показан в работах Головиной и Нильссона на примере Курганской области, где местные власти предприняли попытку создания потребительских кооперативов [78]. Спущенный сверху план был выполнен лишь на половину, а среднее число членов в кооперативах было менее восьми, большинство из которых составляли ЛПХ. Более того, созданные кооперативы дышали на ладан, и авторы спешили провести исследование, так как их объект грозил попросту исчезнуть. Иными словами, региональные власти подошли к делу довольно формально, просто создав требуемое количество кооперативов, не особо беспокоясь об их дальнейшей судьбе и не обладая достаточными знаниями о развитии кооперативов. Логика административного вовлечения в кооператив может быть оправдана, если дальнейшее пребывание в кооперативе способно изменить первоначальное скептическое к нему отношение. Однако даже те, кого

властям удалось уговорить вступить в кооператив, позднее не улучшили свое отношение к нему [79].

Пример более-менее успешного создания сельских кооперативов можно наблюдать в Белгородской области [80]. В отличие от Курганской области, здесь местная власть была сама заинтересована в развитии сельской кооперации, которая рассматривается как важный механизм поддержки мелких сельхозпроизводителей. Несмотря на то, что основой сельского хозяйства региона являются животноводческие агрохолдинги, мелким производителям также уделяется внимание, т.к. они считаются важным фактором устойчивого развития сельских территорий. Для их поддержки в 2007 г. была разработана региональная программа «Семейные фермы Белогорья», в которую входило и развитие сельской кооперации. От мелких сельхозпроизводителей и их кооперативов изначально не ожидалось какой-то значительной экономической отдачи, а сам проект был не экономически, но социально ориентирован.

В результате действия программы, число только снабженческо-сбытовых кооперативов выросло от двух десятков до двух сотен, причем это реально работающие кооперативы, а не только числящиеся на бумаге. Однако созданные кооперативы получились весьма специфическими с точки зрения принципов кооперативной организации. Членство в кооперативах довольно формально, материальная ответственность рядовых членов отсутствует, а все вопросы решает руководство. Все проблемы, отмеченные Бийманом и Хендриксе, кооперативы решают за счет поддержки местной администрации, которая создала кооперативам административно защищенную рыночную нишу за счет создания гарантированных каналов сбыта и помощи в урегулировании возникающих проблем с контрагентами. В результате, созданные кооперативы пока не способны автономно существовать в условиях рыночной конкуренции. Кроме того, кооперативы сталкиваются с оппортунистическим поведением своих членов, порой продающих свою продукцию на сторону, вместо того, чтобы сдавать ее кооперативу. Это объясняется низкой лояльностью членов к своему кооперативу, который они зачастую рассматривают просто как один из возможных каналов сбыта продукции.

Государственная помощь зарождающимся кооперативам вовсе не является чем-то предосудительным. Более того, помощь государства называется одним из ключевых факторов успеха вновь создаваемых кооперативов [81]. Другое дело, что эта помощь вовсе не предполагает плотную административную опеку и контроль и должна быть свернута, как только кооператив встанет на ноги. На Белгородчине мы, к сожалению, наблюдаем довольно слабую приспособленность созданных кооперативов к самостоятельной работе в

условиях рыночной конкуренции. Ни областная власть, ни руководство кооперативов пока не заинтересованы вывести кооперативы из-под административной опеки.

Очевидна и проблема управления этими кооперативами. Рядовые члены кооператива не принимают участия в управлении и не особенно хотят это делать; все важные решения принимает менеджмент, исходя из своих интересов. Отношения менеджмента и рядовых членов кооператива напоминают что-то среднее между отношениями руководства с наемными работниками и отношениями независимых контрагентов. Здесь белгородские кооперативы столкнулись с типичными проблемами кооперативного управления, которые характерны практически для всех кооперативов. Кооперативному менеджменту всегда необходимо совмещать эффективное управление и кооперативные принципы, сохранять конкурентоспособность предприятия и не превратиться при этом в менеджмент капиталистической фирмы [82; 83]. В данном случае, это пока не очень хорошо получается.

Наконец, еще одна беда состоит в том, что среди фермеров кооперация не получила значительного развития. Там, где она существует, она часто представляет собой преимущественно временные и часто юридически не оформленные объединения по обработке земли. В обоих описанных нами случаях речь преимущественно шла о кооперации среди ЛПХ, тогда как фермеры недостаточно активно формируют кооперативные объединения.

Становление и развитие сельскохозяйственной кредитной потребительской кооперации в современной России насчитывает уже почти 20-ти летнюю историю. По состоянию на 1 января 2013 года в России было зарегистрировано 1875 СКПК. Они удовлетворяют значительную часть потребности малых форм хозяйствования на селе в заемных средствах, занимая на этом рынке третье место после ОАО «Россельхозбанк» и ОАО «Сбербанк России» [16]. Кроме того СКПК предоставляют потребительские займы сельским жителям.

После 2011 года развитие СКПК существенно замедлилось [84]. В условиях введения регулирования деятельности кредитных кооперативов со стороны Центрального Банка России сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы становятся полноправными участниками финансового рынка со всеми вытекающими последствиями. Необходимость и важность контроля и надзора для обеспечения прозрачности деятельности сельскохозяйственной кредитной кооперации становятся очевидным для преобладающего большинства СКПК. Однако, сегодня, когда кредитная кооперация еще не достаточно развита, следует дифференцированно подходить к регулированию мелких

и крупных кооперативов (местных кооперативов, региональных и национальных объединений кооперативов).

На современном этапе одним из ограничений (барьеров) в развитии кредитной кооперации является отсутствие стабильного и постоянного источника кредитных ресурсов. Это обусловлено тем, что успешная деятельность СКПК в большинстве случаев зависит, при прочих равных условиях, от возможности пополнения фонда финансовой взаимопомощи, как за счет собственных средств и сбережений членов кооператива, так и за счет внешнего заимствования. Большинство же кооперативов в настоящее время имеют ограниченные источники и возможности для привлечения внешнего заимствования.

Опыт сотрудничества с ОАО «Россельхозбанк» и другими банками показал, что сельскохозяйственная кредитная кооперация должна иметь свою центральную (апексную) финансовую организацию, которая будет являться связующим звеном между рынком капитала, в том числе международным, и кредитными кооперативами [85. С. 11-15].

Необходимость наличия апексного кооперативного финансового института и организации движения финансовых средств в системе кооперативного кредита отмечалось в России еще сто лет назад. Так, А.Н. Анцыферов в своем докладе «Центральные банки кооперативного кредита» указывает, что «Основная задача центрального банка кооперативного кредита ... состоит в том, чтобы установить планомерную и постоянную связь кооперативной организации с общим денежным и кредитным рынком» [86. С. 122]. Далее он продолжает эту мысль - «Центральный банк должен быть резервуаром, в который стекаются все в данный момент совершенно свободные средства кооперативных учреждений и из которого они вытекают регулярно, направляясь в те каналы кооперативного оборота, где в данный момент ощущается недостаток денежных средств» [86. С. 123].

Развитие кооперации в современной России не очень хорошо укладывается в схему развития кооперации на Западе. Например, если взять типологию кооперативных движений в Европе, предложенную Гутьерресом и др. [87], то поставить в эту схему Россию довольно затруднительно (Рисунок 1). Напомним, что авторы выделили два пути развития кооперации в Европе: идеолого-утопические проекты (Франция, Италия, Португалия, Бельгия) и либерально-рыночную логику (Дания, Нидерланды, Великобритания). Причем, в ЕС сейчас доминирует либеральная модель.

Прежде всего, огромные региональные различия внутри самой России не позволяют однозначно выделить какой-либо тренд в развитии кооперации. Однако, если опираться на параметры предложенной типологии, то две особенности отметить все-таки возможно. Во-первых, ни о какой идеологической подоплеке кооперации в России сейчас

говорить не приходится: кооперация развивается с чисто утилитарными целями. В дореволюционной России роль идеологии была сильнее. Во-вторых, государство было и остается одним из важнейших факторов развития кооперации в России. В царской России роль государства в успехе кооперации была огромна, но не всегда однозначна: нередко кооперация тормозилась, т.к. считалась идеологически опасной (в ней усматривали источник коммунистических и бунтарских настроений). Сегодня кооперация не рассматривается государством с идеологических позиций, но его роль в успехе кооперативного движения является на данный момент ключевой. При этом речь идет не только о количественных объемах государственной поддержки, но и о продуманности этих мер, контроле за их реализацией и грамотном управлении на местах.

Наконец, еще одним, пусть и не самым важным, фактором довольно печального положения российской сельскохозяйственной кооперации является неудовлетворительное состояние академических исследований кооперации.

Это особенно удивительно, если учесть, что русская кооперативная мысль получила международное признание благодаря трудам целой плеяды исследователей (И.В. Емельянов, А.Н. Анцыферов, В.Ф. Тотомианц, М.И. Туган-Барановский, А.В. Чаянов и др.). Однако со времени деятельности этих ученых в российской экономической науке создан определенный «вакуум» в области теоретико-методологических исследований кооперативного движения. В советский период это важное направление не получило должного развития, исследования велись в основном по проблемам, связанным с колхозами и советской потребительской кооперацией. Это сказывается на состоянии современных исследований кооперации, которые характеризуются упрощенными, зачастую политизированными представлениями.

С одной стороны, из поля зрения российских исследователей совсем выпала западная кооперативная теория: мы почти не увидим ссылок на зарубежные публикации в их работах, они не включены в международный дискурс. В качестве примера можно привести попытки осмысления кооперации на более широком, социетальном уровне: кооперация здесь представлена как часть социальной экономики и занимает промежуточное положение между общественной и частнокапиталистической экономиками [88; 89]. Этот дискурс полностью отсутствует в российской академической среде. С другой стороны, большинство российских ученых крайне слабо знакомы с кооперативной мыслью русского зарубежья, представители которой в свое время заложили адекватное теоретико-методологическое основание для развития кооперативного движения. Крайне недостает эмпирических исследований реально работающих кооперативов, особенно на микроуровне. Есть лишь некоторые исключения,

и то зачастую благодаря сотрудничеству с западными партнерами [90. С. 11-13; 91. С.12-17; 92].

Заключение

Исторический анализ развития отечественной кооперации на селе показывает, что стартовые позиции российских сельских кооперативов были крайне неблагоприятны. В наследие от Советского Союза досталась огосударствленная кооперативная система, имеющая мало общего с мировой практикой.

Кроме того, рыночные преобразования не только не исправили это положение, но и усугубили его. Кризисные явления в сельском хозяйстве привели к поляризации сельхозпредприятий, которые либо захватывались внешним капиталом и превращались в более или менее успешные капиталистические предприятия, либо сохраняли колхозную сущность, находясь в режиме выживания. Для кооперативов в такой ситуации оставалось мало места.

В настоящее время кооперативный сектор на селе довольно разнороден. И дело не только в разных юридических формах: производственный, потребительский или кредитный кооператив. Различия проистекают из исторического пути кооперативов. По этому критерию можно выделить три типа кооперативов: потребительские общества Центросоюза, производственные кооперативы – наследники коллективных хозяйств, и вновь создаваемые постсоветские кооперативы (как правило, потребительские и кредитные).

Таким образом, следует признать, что кооперативный сектор в России находится в стадии формирования. Этот процесс идет с преодолением больших трудностей и на него влияют различные факторы. Кратко перечислим основные проблемы.

1. Советское наследие. Еще не изжиты советские формы кооперативов: мы приводили примеры СПК и Центросоюза. В России, как и в других странах СНГ и ЦВЕ эпоха коллективного сельского хозяйства крайне негативно сказалась на восприятии кооперативов сегодня, т.к. кооперативы ассоциируются с социалистическими принудительными коллективными организациями [70].

2. Отсутствие кооперативного движения снизу. Рыночные реформы в России и последовавшее за ними ухудшение жизни большинства населения не вызвали процессы самоорганизации общества как реакцию на экономические трудности. В качестве примера такой ответной реакции общества на политику государства можно привести Бразилию, где

экономические реформы 1994 г., получившие название The Plano Real, вызвали массовый рост кооперативов [93].

3. Примат крупного производства. К сожалению, ставка на крупные хозяйства до сих пор превалирует в российском государстве. Между тем, ряд исследователей подчеркивают, что строить сельское хозяйство только на агрохолдингах неразумно [65].

4. Отсталость академических исследований. Она имеет практические последствия, ведь в конечном счете представления государственных чиновников формируются в тиши профессорских кабинетов.

Несмотря на перечисленные трудности, все-таки видны попытки государства оживить мелкое производство на селе. Это дает кооперации шанс. Плюс все еще сохраняется огромная база для кооперации: ЛПХ и фермеры, роль которых, пусть медленно, но растет. Сейчас на селе работают более 200 тыс. фермерских хозяйств, включая индивидуальных предпринимателей, а также более 2 млн. товарных ЛПХ [16; 17]. К ним стоит добавить 14,5 млн. семей, занимающихся садоводством, 4,3 млн. семей – огородничеством, 19,3 тыс. малых сельскохозяйственных организаций, в которых задействовано 203 тыс. работников [22].

Что касается академической среды, то для плодотворной работы необходимо осваивать мировой исследовательский опыт, включаться в международное академическое сообщество. В качестве более практической и ближайшей цели мы бы назвали получение надежных количественных оценок сельскохозяйственной кооперации как с помощью государственных статистических организаций, так и при помощи социологических опросов. Такого рода работой занимается как Международный кооперативный альянс, который совместно с Европейским исследовательским институтом кооперативов и социальных организаций (Euricse) проводит мировой мониторинг кооперативов [94], так и отдельные исследовательские организации, как, например, университет Висконсина [95].